

ПЕРВАЯ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

— Лари Лис —

18+

10⁺

Лари Лис

Первая

«Автор»

2026

Лис Л.

Первая / Л. Лис — «Автор», 2026

Иногда самое страшное чудовище оказывается единственным, кто готов тебя спасти.

© Лис Л., 2026

© Автор, 2026

Лари Лис

Первая

Глава 1

Я уже взялась за ручку двери, когда услышала голоса.

— Я всё равно считаю, что это хреновая идея перед зимой, — сказала девушка внутри.

— Бахо, ты точно уверен, что нам сейчас стоит менять место?

— А когда? Весной? — фыркнул Егор. — Чтобы нас там уже по расписанию ждали?

— Да я не про это. Просто... вы сами видите, какая погода.

— Погода нормальная, — отозвался кто-то ещё.

— Нормальная? В горах уже снег лежит.

— Ну так мы не в горы идём.

Послышался смешок.

— Вообще дронов не было с того момента, как вы ушли, — снова сказала девушка. — Ни одного.

— Ага, — заржал Егор. — Мы их все с собой унесли. Они теперь там над перевалом кругами летают.

Кто-то тихо хмыкнул. Я толкнула дверь и зашла внутрь. Разговор сразу оборвался.

Бахо сидел за столом с разложенной картой, Егор ковырялся в рации, возле окна стояла Света — невысокая, светловолосая, в огромной шерстяной кофте. Рядом с ней, облокотившись на стену, курил Вадим. На диване растянулись Миша и Алина. Все посмотрели на меня.

— О чём разговариваете? — спросила я, стягивая мокрую куртку.

— Решаем, когда выходить, — ответил Бахо.

Я нахмурилась.

— В смысле выходить?

Света тут же повернулась к нему:

— Вот. Даже она сейчас охренела.

— Да никто никуда завтра не побежит, — устало сказал Бахо. — Просто место всё равно надо менять.

— Перед зимой?

— А что тебя смущает? Мы не пешком через тайгу пойдём.

— А если дроны?

— Если бы они нашли нас, они бы уже здесь висели.

— Или ждут, пока мы сами вылезем.

— Свет, — вздохнул Егор, — ты сейчас паранойю уже разводишь.

— Да потому что вы как будто забыли, с кем мы вообще дело имеем.

Бахо провёл пальцем по карте.

— До Байкала тут километров сто двадцать. Большую часть дороги проедем на машине. Медленно, тихо. Будем останавливаться, проверять небо. Бинобль есть, рации есть, если что — уйдём в лес.

— В лес, где уже ночью минус? Отличный план.

— А здесь лучше? — резко бросил Вадим. — Мы тут уже два месяца сидим. Два месяца.

И за последний месяц дроны здесь летают почти без остановки.

Он раздражённо провёл рукой по лицу.

— Вы же сами слышали монголов. У них забрали группу. Наших забрали.

На слове «наших» в комнате снова стало тихо.

— Я не хочу однажды проснуться от вертолёт над крышей, — продолжил он уже тише.
— Тут площадка идеальная. Им даже садиться удобно. А потом окажется, что мы все дружно поехали неизвестно куда работать дойными кровавыми коровами.

— Вот это вообще ни хрена не смешно, — буркнул Миша.

— Так я и не шучу.

Алина медленно кивнула.

— Он прав вообще-то.

Света, сидевшая на подоконнике, мечтательно вздохнула:

— Эх... вот бы сейчас куда-нибудь в Краснодар. Там хотя бы зимы нет.

Егор тут же фыркнул:

— Ты что, не сибирячка, что ли?

— Именно поэтому и хочу в Краснодар.

— Мы сибиряки, — важно заявил он, развалившись на стуле. — Мы везде выживем и везде прорвёмся.

— Да-да, особенно ты, — хмыкнул Вадим. — Пока остальные тебя тащить будут.

Я всё это время молча слушала их, прислонившись плечом к двери. Потом всё-таки спросила:

— А на Байкале куда именно хотите?

Бахо поднял голову от карты.

— Сначала на кругобайкалку.

— На старую железную дорогу? — уточнила я.

— Ага. Там тоннелей до хрена. В них хотя бы спрятаться можно нормально.

Он ткнул пальцем куда-то в карту.

— И там мест полно, где старые шахты были. Раньше их под музеи переделывали, под туристов. В теории можно неплохо засесть так, что никто тебя вообще не найдёт.

— Берег там ещё дикий, — добавил Вадим. — С воды особо не подлезешь. Скалы.

— По сути, нормальный проход только по железке, — кивнул Бахо. — А я очень сомневаюсь, что эти будут по железной дороге шастать.

— Короче, — Вадим резко хлопнул ладонями по коленям и поднялся, — хорош уже это размусоливать, время идёт.

Он кивнул куда-то за окно, где по мокрым крышам полз холодный вечерний туман.

— И зима, как говорится, близко. Прямо как в одноимённом романе.

— О, началось, — простонал Егор.

— Не мешай мне быть культурным человеком.

Все тихо засмеялись, и напряжение в комнате немного отпустило.

— Давайте так, — продолжил Вадим уже серьёзнее. — Я проверю полностью минивэн Бахо. Подвеску, двигатель, всё. Посмотрим, сколько у нас топлива осталось. Пока дронов нет — надо пользоваться моментом.

Я нахмурилась.

— А давно их нет?

— Ну... — Вадим задумался. — Как только ребята к тебе ушли, наверное. С того дня почти тишина.

У меня внутри что-то неприятно дрогнуло. Я машинально отвела взгляд и в голове сама собой сложилась слишком странная мысль. Все эти дроны перестали летать именно тогда, когда здесь был Реард. Я тут же попыталась отмахнуться от этой мысли. Это вообще ничего не значит, просто совпадение. Но мерзкое ощущение внутри всё равно осталось.

— Всё, — Бахо хлопнул ладонью по столу. — Значит, собираемся.

Комната сразу ожила. Все начали говорить одновременно.

— Тёплые вещи в первую очередь.

— Консервы пересчитать надо.

— Газовые баллоны ещё проверить.

— Аптечку собрать нормальную.

— И батарейки.

— Да, и батарейки тоже.

Света уже натягивала куртку.

— Мы с Алиной тогда по магазинам ещё раз пройдемся.

— И по домам, — добавил Бахо. — Если где-то что-то осталось — забирайте всё. Продукты, одежду, посуду, инструменты. Вообще всё.

— Да тут уже вроде всё вынесли, — буркнул Егор.

— Мало ли. Лучше сейчас потратить лишний день, чем потом зимой без шапки сидеть.

— Или без тушенки, — вставил Миша.

— Без тушенки вообще смерть.

Снова слышались смешки. А я стояла посреди комнаты и смотрела на них так, будто всё происходило слишком быстро. Они уже собрались, решили и начали двигаться дальше. А я всё ещё мысленно застряла там. В деревянном зимовье, крепких ладонях на моей талии, в низком голосе над самым ухом. Я снова резко оборвала себя.

Нет. Хватит.

Я всё сделала правильно.

Машина тронулась только на третий день. К этому моменту минивэн был забит под крышу. Канистры с бензином, тёплые вещи, спальники, какие-то старые инструменты, консервы, коробки с крупой, медикаменты, термосы. Даже несколько книг зачем-то взяли. Мы выехали на рассвете. Бахо сидел за рулём, рядом с ним Егор. Сзади Миша почти не выпускал из рук бинокль, периодически приподнимался и смотрел в окна на небо. Я сидела у двери, укутавшись в куртку, и молча смотрела вперёд. Ехали медленно. Шестьдесят километров в час казались почти безумной скоростью на разбитой дороге. Слишком много машин было вокруг. Они стояли повсюду — на обочинах, поперёк трассы, в кюветах, уткнувшись друг в друга.

— Вот доберёмся до кругобайкалки, — мечтательно сказал Миша, не отрываясь от бинокля, — найду тоннель поуютнее и вообще оттуда никогда не выйду.

— Господи, — пробормотала Алина. — Нам всем пиздец.

— Не пиздец, а новая жизнь, — возразил Бахо. — Главное — пережить первую зиму.

Я слушала их вполуха. За окном медленно тянулись леса, мокрые поля, брошенные заправки, разбитые остановки. Иногда мне казалось, что сейчас я проснусь. Что это всё — не со мной. Ещё недавно я сидела в зимовье, слышала треск дров и было всё понятно. Ждала, что сейчас откроется дверь и он войдёт.

От этой мысли внутри снова болезненно сжалось. Я отвернулась к окну, прижалась лбом к холодному стеклу и заставила себя смотреть на дорогу.

Вперёд.

Только вперёд.

Машина медленно ползла по трассе, объезжая брошенные автомобили. Иногда Бахо съезжал почти на обочину, потому что посреди дороги стоял фургон с распахнутыми дверями или сразу несколько легковушек, сцепившихся друг с другом. Я смотрела наружу, не в силах отвести взгляд. Чем ближе мы подъезжали к посёлкам, тем больше становилось машин. Некоторые были пустые, в некоторых до сих пор сидели люди. Вернее, то, что от них осталось. Где-то на водительском сиденье белел скелет в истлевшей куртке. Где-то под стеклом лежала высохшая мумия с тёмной кожей, натянутой на кости. В одной машине на заднем сиденье до сих пор валялась детская игрушка — жёлтый плюшевый заяц.

Я невольно сильнее вцепилась пальцами в рукав куртки. Одно дело — слышать, как тебе рассказывают, что мир умер и совсем другое — видеть это собственными глазами. Километры мёртвых дорог, тысячи людей, которые просто не доехали домой. От этого масштаба внутри становилось холодно.

— Не смотри так долго, — негромко сказала Алина с соседнего сиденья. — Потом сниться будет.

— Уже снится, — пробормотала я.

Миша, смотревший в бинокль, вдруг обернулся ко мне.

— Саш, я вот до сих пор не понимаю... — он усмехнулся. — Ты реально одна в тайге жила? Ну вот совсем одна? Тебе не страшно было?

Я пожала плечами.

— Не особо.

— Да ладно?

— Я из лука нормально стреляю. Если что, без еды бы не осталась.

— О-о-о, — протянул Вадим. — Всё, ребят, мы спасены. У нас теперь свой охотник.

— Ага, — подхватила Света. — Сейчас найдём домик на Байкале, Сашка нам оленей настреляет, и будем жить.

— Оленей я вам не обещала.

— Ну зайцев хотя бы.

— Зайцев можно, — фыркнула я.

— Так у нас вообще-то профессионалы, — важно заявил Вадим. — У нас есть оружие, силки, минивэн и Бахо.

— Последнее звучит как угроза, — хмыкнул Егор, не отрываясь от бинокля.

В машине тихо засмеялись. Даже Бахо ухмыльнулся, не сводя глаз с дороги.

— Я вам серьёзно говорю, — сказал он. — На Кругобайкалке мест дофига. Там есть старые тоннели, технические помещения, заброшенные домики обходчиков. Есть места, куда вообще только пешком добраться можно.

— Вот туда и пойдём, — кивнул Вадим. — Чтоб никакая клыкастая морда нас не нашла.

Я отвернулась к окну, пряча лицо. Клыкастая морда. Лицо Реарда всплыло перед глазами. И совершенно некстати подумала о том, что у него, вообще-то, никаких клыков не было. Машину слегка качнуло на разбитом участке дороги. Бахо тихо выругался и сбросил скорость ещё сильнее.

— Не расслабляемся, — сказал Егор, продолжая смотреть в бинокль. — Небо чистое, но мало ли.

— Да нет здесь уже дронов, — отмахнулся Вадим. — Свалили они.

Я машинально подняла взгляд к серому небу. И опять почувствовала это странное, тянущее чувство под рёбрами.

К обеду мы наконец-то добрались до озера. Машина медленно выползла на очередной поворот серпантина, Бахо что-то сказал Егору, но я уже не слушала.

Потому что увидела его. Байкал. Он появился внезапно — огромный, невозможный, растянувшийся до самого горизонта между тёмных гор. Я даже дыхание задержала. Вода была не синей. Не серой. Какого-то странного стального цвета, будто расплавленный металл под облачным небом. Ветер гнал по поверхности длинную рябь, и от этого казалось, что озеро живое. Огромное. Древнее. Слишком большое для обычного человеческого понимания. По обе стороны поднимались горы — уже тронутые осенью. Где-то хвоя ещё оставалась густо-зелёной, а где-то среди леса уже проступали жёлтые пятна лиственниц. Над озером медленно плыли облака. Тяжёлые, белые, пушистые. Солнце то пряталось за ними, то снова выскальзывало наружу, и тогда Байкал вспыхивал холодным серебром так ярко, что становилось больно смотреть. Я прижалась лбом к стеклу. Даже отсюда было видно, какой он огромный. Насто-

ящее море среди гор. Ветер гулял по склонам, трепал верхушки деревьев, бросал на дорогу сухие листья. Машину слегка покачивало на поворотах, а внизу, далеко под нами, вода билась о камни длинной белой пеной.

— Красиво, да? — тихо спросила Света.

Я даже не сразу смогла ответить. Потому что внутри вдруг стало очень тихо. Как будто весь этот бесконечный кошмар — тайга, кровь, страх, вертолёт, вампиры — на мгновение остался где-то очень далеко. А передо мной был только Байкал.

Огромный. Свободный. И настолько красивый, что от этого перехватывало дыхание.

Серпантин тянулся вниз медленно и бесконечно. Минивэн осторожно вписывался в повороты, колёса шуршали по асфальту, а Байкал становился всё ближе и больше. Теперь он уже не казался просто красивой картинкой где-то вдалеке. Теперь от него буквально тянуло холодом даже через стекло машины. Егор с Мишей по-прежнему сидели напряжённые. Один смотрел в бинокль на небо, второй — по сторонам, на склоны и дорогу.

— Чисто пока, — в который раз сказал Миша.

— Не сглазь, — буркнул Вадим.

Бахо только крепче сжал руль. Машина наконец съехала вниз, к самому берегу, и остановилась возле старой дороги, почти вплотную подходящей к воде.

— Всё, приехали, — выдохнул Бахо.

Я первой открыла дверь. Холодный ветер ударил сразу в лицо. Настоящий байкальский ветер. Он мгновенно растрепал волосы, забрался под куртку, заставил поёжиться. Волны с шумом накатывали на камни, разбиваясь белой пеной, и от этого действительно становилось жутко похоже на море. Только без запаха соли.

Я медленно подошла к воде. Она была настолько прозрачной, что у меня в голове просто не укладывалось, как такое вообще возможно. Даже когда я опустила руку, казалось, будто никакой воды нет вообще — просто воздух и камни под ладонью. Только ледяной холод мгновенно обжёг пальцы.

— Охренеть... — тихо выдохнула я.

За спиной хлопнула дверь машины.

— Ну что, туристка, нравится? — усмехнулся Егор.

Я только молча кивнула, продолжая смотреть на воду. Ветер становился всё сильнее. Волосы лезли в лицо, путались, и я раздражённо стянула их резинкой в высокий хвост. Ребята тем временем уже собрались возле минивэна.

— Короче, — начал Вадим, оглядывая набитый вещами салон, — пешком мы это всё никуда не утащим.

— Спасибо, капитан очевидность, — фыркнула Алина.

— Да я серьёзно. Нам нужна дрезина или вагонетка какая-нибудь. Хоть что-то на рельсах.

— Найдём, — уверенно сказал Бахо. — Тут раньше дорожники постоянно катались. Где-нибудь на станции или в тупиках должна стоять.

— А если не стоит?

— Тогда будем толкать тебя самого по рельсам, — спокойно ответил Егор.

Миша хмыкнул.

— Главное — сначала тоннели найти. А вещи уже потом перетащим.

— Нет, — покачал головой Вадим. — Без транспорта мы там застрянем. У нас полмашины топлива, генератор, тёплые вещи, консервы. Это всё руками не донести.

Я обернулась на минивэн. Он действительно был забит под завязку. Рюкзаки, канистры, инструменты, пакеты с едой. Мы готовились не просто переждать пару недель, а жить там всю зиму. Ветер снова ударил сильнее, поднял мелкие брызги с воды.

— Значит так, — Бах хлопнул ладонями. — Сейчас осматриваемся. До темноты найдём, где можно встать. Завтра с утра ищем дрезину и проходим дальше по кругобайкалке.

— А если дрон прилетит? — тихо спросила Света.

Егор тут же поднял голову к небу.

— Пока чисто.

Я машинально тоже посмотрела вверх. Пусто. Небольшой деревянный дом мы нашли уже под вечер. Почти у самого берега, старый, но крепкий. С покосившимся забором, узкой верандой и огромными окнами, выходящими прямо на Байкал. Я поднялась по скрипучим ступенькам и толкнула дверь, внутри пахло холодным деревом, пылью и чем-то ещё — то ли сыростью, то ли давно оставленным жильём. Но при этом дом не выглядел заброшенным. Просто... пустым. На подоконнике стояли кружки. На вешалке висела старая куртка. На кухне лежало полотенце, аккуратно перекинутое через ручку шкафа. Как будто хозяева вышли ненадолго и так и не вернулись. Я медленно подошла к окну, за стеклом шумел Байкал. Тёмный. Огромный. Почти чёрный в вечерних сумерках. И вид отсюда был просто сумасшедший.

— Блин... — тихо выдохнула я. — Вот кому-то повезло здесь жить.

— Да уж, — согласилась Алина, заглядывая мне через плечо. — Это тебе не Москва.

Я невольно усмехнулась. Да, не Москва. Здесь вместо гула машин был ветер. Вместо соседей за стенкой — волны. Вместо фонарей — огромное чёрное озеро до самого горизонта. И почему-то именно здесь мир казался настоящим.

Печку растапливать не стали. Бахо сразу сказал, что дым сейчас — плохая идея.

Поэтому в доме оставалось прохладно. Мы ходили в куртках, дышали белёсым паром и грели руки о кружки. Мальчишки натаскали воды, Вадим достал газовый баллон, и вскоре по дому пополз тёплый запах еды. Тушёнка, рис, сушёные грибы.

Эта простая похлёбка пахла вкуснее любого ресторана. Когда окончательно стемнело, окна занавесили шторами и дополнительно завесили одеялами.

Свечи поставили прямо на стол. Тёплый дрожащий свет качался по стенам, делая дом каким-то уютным и почти живым. Мы сидели вокруг кастрюли с едой и ели молча первые несколько минут — слишком голодные и уставшие для разговоров.

Потом, как всегда, начал Егор.

— Ну что, дамы и господа, — он поднял ложку, — поздравляю. Мы официально бомжи на Байкале.

— Очень романтично звучит, — фыркнула Света.

— Ага. Особенно вот это вот «воняет тушёнкой и носками».

— Это от тебя воняет, — спокойно заметил Миша.

Все засмеялись. Даже Бахо улыбнулся, хотя до этого весь день был напряжённый.

— Ладно, — он поставил кружку на стол. — Завтра подъём ранний. Как только рассветёт, идём искать дрезину.

— Или хоть что-нибудь на рельсах, — добавил Вадим. — Потому что, если я ещё раз увижу эти канистры, я сам в Байкал прыгну.

— Не прыгнешь, — сказала Алина. — Вода холодная.

— Спасибо, Алина, очень ценная информация.

— Обращайся.

— Девчонки завтра остаются здесь, — продолжил Бахо. — Осмотритесь нормально в доме. Посмотрите, может, ещё что полезное найдёте. Воду натаскайте. Еду переберите.

— А мы, значит, как принцессы сидим? — прищурилась Света.

— Нет, вы как рабочая сила в тылу.

Я слушала их вполуха, сидя ближе к окну. За стеклом шумел ветер. Где-то в темноте бился о камни Байкал. А внутри дома было тепло от свечей, еды и чужого смеха. Накрыло странным ощущением, будто всё это ненадолго. Словно этот вечер, этот дом, эти разговоры — что-то очень хрупкое.

Когда все наконец начали укладываться, дом постепенно затих. Кто-то ворчал, пытаюсь устроиться поудобнее на жёстком диване. Кто-то шуршал курткой. Миша с Егором о чём-то ещё тихо переругивались в соседней комнате, но даже их голоса становились всё тише и тише. Я расстегнула рюкзак и достала спальник.

На секунду просто замерла, глядя на него, а потом невольно усмехнулась.

Господи... Сколько я уже под ним не спала? Целую вечность. Я забралась внутрь, закуталась почти с головой и глубоко вдохнула знакомый запах. Спальник пах мной, дымом, лесом и чем-то уже давно родным. И от этого внутри вдруг стало так странно тепло, будто я снова оказалась где-то далеко за перевалом, в зимовье, где потрескивают дрова в печке и за стеной шумит река.

Я закрыла глаза. Интересно... Он уже прилетел туда или нет? Мысль всплыла сама слишком быстро и легко. Я раздражённо нахмурилась, уткнувшись носом глубже в спальник.

Ну хватит.

Хватит уже о нём думать.

Всё. Всё закончилось. Ты сама ушла.

Сама.

Так какого чёрта теперь опять мусолишь это в голове? Я перевернулась на другой бок, пытаюсь устроиться удобнее, но стало только хуже. Потому что стоило закрыть глаза — и я опять увидела его. Тёмный взгляд. Настолько тёмный, что иногда казалось — радужки вообще нет. Только огромный чёрный зрачок хищника.

Я помнила этот взгляд в момент страха. Помнила, как он двигался за мной по лесу, в первый день. Как швырнул тарелку и дико напугал. Но тут же вспоминалось и совсем другое. Как зрачок медленно расширялся, когда я прижималась ближе, как он нависал надо мной. Как дыхание у него становилось тяжелее, хоть он и пытался делать вид, что полностью себя контролирует. Меня будто снова током прошибло от этих воспоминаний. Я резко зажмурилась и натянула спальник почти до носа.

Да что ж такое... Серьёзно? Сейчас?

Я тихо выдохнула в ткань и вдруг поймала себя на том, что улыбаюсь. Сразу же прикусила губу и зло отвернулась к стене. Хватит. Всё! Если бы так хотела остаться рядом с ним — не уходила бы. Значит, правильно всё сделала.

Правильно.

Я повторила это про себя ещё раз, но чем чаще повторяла, тем меньше сама себе верила.

Глава 2

Из сна меня вытащили голоса. Я недовольно поморщилась, глубже закутавшись в спальник, и только спустя несколько секунд поняла, что в комнате уже светло. Сквозь щели между одеялами на окнах пробивалось утреннее солнце. Ночью было прохладно. Не настолько, чтобы замёрзнуть, спальник всё-таки был хороший, тёплый, но нос всё равно мёрз, и пару раз за ночь я просыпалась, пряча его глубже внутрь.

— Я тебе ещё раз говорю, я сегодня ночью чуть не околела, — раздражённо бурчала Света.

— Да никто не околел, — спокойно ответил Бахо.

— Очень смешно.

Я приоткрыла глаза. Они стояли на кухне возле газовой горелки, на которой уже грелась вода. Света куталась в куртку и явно была не в духе.

— Ты точно уверен, что это хорошая идея — сейчас искать новый дом? — продолжала она. — А если там печки не будет? А если вообще какая-нибудь развалюха?

Бахо тяжело выдохнул, явно уже не первый раз объясняя одно и то же.

— Свет, ну как ты думаешь, люди там зимой жили?

— Ну жили.

— Вот именно. Там нормальные дома с печками. Я был на Кругобайкалке кучу раз, я видел эти посёлки. Всё нормально будет.

Света что-то недовольно пробормотала себе под нос. Я наконец расстегнула спальник и села прямо в нём, как в коконе. Тело сразу пробрала прохлада. В этот момент мимо меня прошла Алина с зубной щёткой во рту. Посмотрела на меня и фыркнула:

— Саш, у тебя видок...

— Спасибо, — сипло ответила я.

Она засмеялась и ушла дальше в коридор. Я нехотя поднялась и подошла к старому зеркалу у стены. Видок действительно был так себе. Половину ночи я ворочалась в спальнике, то отгоняя мысли, то пытаюсь устроиться поудобнее, и теперь на голове творился полный кошмар. Волосы торчали в разные стороны, будто меня ночью пытались убить. Я уставилась на своё отражение и не удержалась от смешка.

— Ну да... Красотка.

За спиной кто-то громко зевнул.

— Кофе будешь? — спросил Миша.

— Буду.

Воду вскипятили на газовой горелке, разлили по старым кружкам, найденным здесь же, на кухне. У одной кружки была отколота ручка, на другой выцвели какие-то цветочки. Дом постепенно оживал. Кто-то натягивал ботинки, кто-то собирал рюкзак. Егор с Вадимом уже склонились над картой, разложенной прямо на столе.

— Значит так, — говорил Бахо, тыкая пальцем куда-то в линию железной дороги. — Сначала идём сюда. Там раньше стояла станция обслуживания.

— А если там пусто? — спросил Миша.

— Значит, идём дальше.

— Очень оптимистично.

— Не ной.

Я с кружкой в руках устроилась на подоконнике. Кофе был отвратительный, горький, водянистый и всё равно безумно вкусный.

— Девчонки сегодня остаются здесь, — продолжал Бахо. — Осмотритесь нормально. Проверьте соседние дома, может, найдёте что полезное.

— Только далеко не ходите, — добавил Егор. — Если что — сразу назад.

— Да мамочка, — тут же протянула Алина.

— Алина, я серьёзно.

— Я тоже.

Все тихо засмеялись. Сонное утро постепенно превращалось в обычное человеческое утро. С кружками кофе, ворчанием, шутками и планами на день.

И на секунду мне даже показалось, будто никакого конца света никогда и не было.

Дверь за ребятами закрылась, и в доме сразу стало как-то непривычно тихо. Только ветер с Байкала иногда шуршал где-то снаружи да доски в старом доме тихо поскрипывали. Алина плюхнулась на диван и потянулась:

— Всё. Наконец-то можно спокойно посидеть, а не слушать, как Бах строит из себя великого выживальщика.

— Он хотя бы что-то делает, — буркнула Света, собирая кружки со стола.

— Да я не спорю. Просто у него иногда такой вид, будто он лично этот Байкал выкопал. Я невольно хмыкнула в кружку. Алина тут же ткнула в меня пальцем:

— О, всё. Саша смеётся. Значит, жизнь налаживается.

— Не придумывай.

— Нет, серьёзно. Ты когда пришла, у тебя вообще лицо было, как будто тебя насильно сюда притащили.

Я отвела взгляд к окну. Ну... в каком-то смысле. Света поставила кружки в раковину и тоже посмотрела на меня:

— Ты вообще как?

— В смысле?

— Ну... после всего.

Я пожала плечами.

— Не знаю.

Всё вокруг до сих пор ощущалось каким-то ненастоящим. Будто сейчас откроется дверь зимовья, и я снова услышу шум реки, треск дров и его шаги где-то рядом. Я резко одёрнула себя.

— Я бы, наверное, с ума сошла одна в тайге, — тихо сказала Света. — Я вот вчера одну ночь без печки поспала и уже готова была обратно в посёлок бежать.

— Да ладно тебе, — фыркнула Алина. — Я вообще нормально спала.

— Ты храпела.

— Неправда.

— Правда.

— Это Миша храпел.

— Миши здесь не было.

Я не выдержала и засмеялась. Девчонки сразу довольно переглянулись, будто добились именно такого результата.

— Во-о-о-т, — протянула Алина. — Уже лучше.

Света присела напротив меня, поджав под себя ноги.

— Слушай... а тебе вообще не страшно сейчас?

— Сейчас?

— Ну да. Всё это. Новый дом, тоннели, зима скоро... я вот иногда лежу ночью и думаю, а вдруг мы вообще херню какую-то творим?

Я задумалась. За окном шумел Байкал, где-то далеко кричали чайки.

— Наверное, страшно, — честно сказала я. — Просто... уже как будто сил бояться нет.

Света медленно кивнула, прекрасно поняла, о чём я. Алина вдруг хлопнула ладонями по коленям:

— Так. Всё. Хватит депрессии. Пошли дома посмотреть.

— Какие дома?

— Соседние. Нам Егор сказал проверить, вдруг найдём что полезное.

— А если там труп?

— Свет, ну за последний год ты ещё не привыкла к трупам?

— Нет!

— Странная ты какая-то для постапокалипсиса.

Мы оделись, натянули куртки и вышли на улицу. В лицо ударил холодный ветер с Байкала. Я машинально поёжилась и застегнула куртку выше. Небо было серо-голубым, с рваными белыми облаками. Солнце то пряталось, то снова выглядывало, и от этого вода вдали постоянно меняла цвет — от тёмно-свинцового до ярко-синего. Алина первой задрала голову вверх.

— Чисто.

Света тоже быстро осмотрела небо. Я поймала себя на том, что автоматически делаю то же самое. И внутри неприятно кольнуло.

— Ну что, — Алина потёрла ладони. — Пошли мародёрить.

— Господи, не говори так.

— А как говорить? Инвентаризация заброшенного имущества?

Мы пошли вдоль дороги. Дома здесь были большие, хорошие и когда-то дорогие.

Высокие заборы, каменные дорожки, беседки, у некоторых — даже лодочные гаражи прямо у воды. И от этого почему-то становилось особенно жутко. Будто люди просто... исчезли. Раз — и всё. Я задержалась взглядом на одном доме с панорамными окнами. Наверное, человек, который здесь жил, каждое утро пил кофе с видом на Байкал. Странно было думать, что теперь внутри может лежать только пыль и тишина.

— О-о-о, — протянула Алина, подходя к высоким кованым воротам. — Вот этот дом мне нравится. Богато.

— Тебе лишь бы богато.

— Конечно. Апокалипсис апокалипсисом, а жить красиво хочется всегда.

Калитка оказалась не заперта. Она противно скрипнула, когда мы вошли во двор, который весь зарос травой почти с наш рост. Кусты разрослись, по плитке валялись сухие листья. Света остановилась возле качелей:

— Блин... здесь же дети, наверное, жили.

Я промолчала. Дом внутри оказался почти нетронутым. Большая кухня, светлые комнаты, фотографии на полках. Алина сразу пошла открывать шкафы.

— О, девочки, тут даже консервы есть!

— Смотри аккуратно, — буркнула Света.

Я медленно ходила по гостиной, рассматривая чужую жизнь. Книги. Плед на диване. Чашка с засохшим чайным налётом. Наверху что-то громко грохнуло.

Мы все одновременно замерли. Алина резко выпрямилась.

— Это что было?

Наверху снова раздался звук. Тяжёлый, словно что-то упало. Света мгновенно побледнела:

— Блядь...

У меня внутри всё моментально сжалось. Сердце заколотилось где-то в горле.

Мы стояли молча, вслушиваясь. Тишина. Потом медленный скрип прямо над нами. Алина схватила первую попавшуюся кочергу возле камина.

— Саш...

— Тихо.

Я сама не заметила, как сказала это шёпотом. Наверху опять что-то задело. И в следующую секунду по лестнице с диким грохотом кто-то понёсся вниз. Света взвизгнула. Алина замахнулась кочергой. А я уже успела подумать вообще всё что угодно. Но из-за поворота лестницы вылетела огромная когда-то пушистая собака. Худая, грязная, со слежавшейся шерстью. Она сама нас испугалась не меньше. Пролетела через гостиную, поскользнулась на паркете, снесла какой-то стул и с лаем вылетела в открытую дверь. Мы ещё несколько секунд стояли молча. А потом Алина выдохнула:

— Я сейчас реально обделалась.

Света села прямо на ступеньку лестницы и закрыла лицо руками.

— Господи... господи...

Я прислонилась к стене и вдруг нервно рассмеялась. Потому что адреналин всё ещё бешено колотился где-то под рёбрами.

Лестница тихо поскрипывала под ногами, и после всей этой суматохи с собакой дом снова казался пугающе тихим. На второй этаж я поднялась первая. Снизу ещё доносились голоса Алины и Светы.

— Офигеть вообще... — нервно выдохнула Света. — Я за год ни одной собаки не видела.

— Я тоже, — ответила Алина. — В посёлке вообще ни одной живности не было.

— Так зомбаки, наверное, всех ещё в самом начале сожрали.

— Спасибо, Свет. Очень обнадеживающая мысль.

— Ну, а что? Кошек не было. Собак не было. Даже птиц там почти не осталось.

— Может, эта просто в дом забежала и тут жила.

— Одна?

— Ну, а что ей ещё делать?

Я слушала их вполуха, заходя в первую комнату. Большая светлая спальня, с огромными окнами почти во всю стену. Кровать была не застелена. Одеяло смято, подушки лежали как попало, будто люди действительно только недавно встали и собирались вернуться через пару минут. На тумбочке стояли флаконы с косметикой, духи, резинка для волос и телефон. Обычный смартфон в прозрачном чехле. Я машинально подошла и взяла его в руку. Палец сам собой скользнул по чёрному экрану. Мёртвый кусок пластика.

— Саш? — донёсся снизу голос Алины. — Ты там живая?

— Да.

Я положила телефон обратно и подошла к шкафу. Створка открылась с тихим скрипом. Внутри висели куртки, пуховики, мужские рубашки. На полке лежали аккуратно сложенные свитера. И внизу, в самом углу, стоял высокий узкий сейф. Я замерла на секунду и резко обернулась:

— Девчонки!

Наверх сразу загрохотали шаги. Алина влетела первой.

— Что?

Я указала вниз:

— Кажется, здесь оружие.

У Алины мгновенно загорелись глаза.

— О-о-о...

Света тоже подошла ближе и нахмурилась:

— Думаешь?

— Ну, а что ещё в таком сейфе хранить?

Алина тут же дёрнула ручку. Заперто.

— Блин.

— Может, ключ где-нибудь здесь? — сказала Света.

Мы минут десять безрезультатно рылись по ящикам, тумбочкам и полкам. Алина в итоге села прямо на пол возле сейфа и мрачно заявила:

— Ну всё. Значит, будем вскрывать.

— Чем?!

— Руками, Света. И матом.

— Господи...

Внизу, в кладовке, мы нашли старую монтировку и маленькую кувалду. Шум стоял такой, будто мы ломали половину дома. Я держала дверцу сейфа, Алина пыталась просунуть монтировку возле замка, а Света нервно каждые десять секунд поглядывала в окно.

— Если сюда кто-нибудь придёт, я вас обеих убью, — шипела она.

— Кто сюда придёт? — пропыхтела Алина. — Пенсионеры?

Металл жалобно хрустнул.

— Подожди, подожди... ещё чуть-чуть...

Я навалилась сильнее. Раздался резкий треск, и дверца сейфа дёрнулась.

— Есть! — заорала Алина.

— Тише ты!

Мы одновременно распахнули дверцу. И на несколько секунд просто замолчали.

Потому что внутри действительно было оружие.

Два охотничьих ружья, карабин, несколько коробок патронов, охотничий нож в кожаных ножнах и старый бинокль.

Алина медленно выдохнула:

— Девочки... да мы теперь вообще элита постапокалипсиса.

Из дома мы уходили уже нагруженные так, будто собрались переживать конец света с максимальным комфортом. Хотя, в общем-то, так оно и было. Кроме оружия и патронов, мы забрали:

аптечку с нормальными антибиотиками и бинтами;

теплый спальник;

фонари и целую упаковку батареек;

термос;

две зажигалки;

рыболовный набор с леской и крючками;

большой туристический котелок;

соль, сахар и специи;

пачки чая и кофе;

свечи;

топорик;

бутылку очень дорогого вина.

Когда мы наконец вернулись в дом, руки уже отваливались. Солнце поднялось выше, но теплее почти не стало, ветер с Байкала всё равно пробирал насквозь.

Мальчишек ещё не было.

— Ну, либо они нашли транспорт, либо умерли, — философски заявила Алина, скидывая рюкзак на пол.

— Очень позитивно.

— Я стараюсь.

В доме всё ещё пахло вчерашней похлёбкой и свечами. Я стащила куртку и подошла к столу. Кастрюля стояла там же, где мы её оставили вечером.

— Разогреем?

— Конечно, — Света тут же оживилась. — Она за ночь настоялась, сейчас вообще вкусная будет.

Мы снова зажгли газовую горелку. Тихо зашипело пламя, в доме сразу стало как-то уютнее. Алина сидела на полу, перебирая патроны. Света раскладывала лекарства из аптечки. А я помешивала похлёбку, глядя, как поднимается пар.

И вдруг поймала себя на странной мысли. Как будто это всё... нормально. Мы не прячемся в мире после конца света, а просто приехали компанией отдыхать куда-то на Байкал. Только оружия слишком много.

— Слушайте, — внезапно сказала Алина, — а вы вообще замечали, что после апокалипсиса все резко стали страшные?

— В смысле?

— Ну в прямом. Я вот последний раз нормально красилась год назад.

Света фыркнула:

— Господи, Алин, ты сейчас серьёзно?

— Абсолютно. Я вообще-то, между прочим, раньше каждое утро стрелки рисовала.

— Трагедия века.

— Нет, ну реально! — она ткнула пальцем в меня. — Вот Саша хотя бы красивая даже когда выглядит, как бомжиха из леса.

Я чуть не подавилась смешком.

— Спасибо.

- Не, ну правда. У тебя волосы даже сейчас нормально лежат.
- Это потому, что ты меня утром не видела.
- Видела. Именно поэтому и говорю «нормально», а не «хорошо».

Дверь хлопнула ближе к вечеру. Мы одновременно обернулись.

- Живые, — выдохнула Света.

В дом один за другим завалились Бахо, Вадим, Егор и Миша. Замёрзшие, уставшие, но при этом слишком довольные.

- Ну? — Алина тут же вскочила. — Что нашли?

Вадим скинул рюкзак на пол и довольно ухмыльнулся:

- Нашли.

- Что?!

- Дрезину.

- Чего?!

- Ну эту... железнодорожную хрень для ремонтников.

- Она на ходу? — сразу спросила я.

— Вроде да, — ответил Бахо, снимая куртку. — Бензиновая. Маленький движок стоит, мы её даже завели.

- Серьёзно?!

- Ага. Орёт как мотоцикл из ада, правда, но едет.

- И где она?

- На станции стоит. Мы её пока трогать не стали.

Егор прошёл к столу и устало плюхнулся на стул.

- Там ещё бензин рядом нашли. Немного, но есть.

— То есть мы реально сможем перегрузить вещи и уйти по железке? — Света даже вперёд подалась.

- Ну если эта развалюха по пути не сдохнет — да.

- Господи...

Алина победно хлопнула ладонями:

- Я же говорила, что всё получится!

- Не сглазь только, — буркнул Миша.

Я заметила, как Бахо с Вадимом переглянулись.

- Что случилось? — сразу спросила я.

Бахо помолчал секунду.

- Мы людей видели.

В доме сразу стало тихо.

- Каких людей? — осторожно спросила Света.

- Живых, возле вокзала.

- Сколько?

- Двое. Может, ещё кто-то есть.

Я почувствовала, как внутри неприятно сжалось.

- И?

Миша поморщился:

- Странные какие-то.

- В смысле?

— Да хрен знает... — он провёл рукой по лицу. — Худые, грязные, одеты чёрт пойми во что.

- Они вас видели?

- Не думаю.

— И вы не подошли?

— А с чем нам к ним подходить? — резко ответил Вадим. — С палкой?

Он устало потёр глаза.

— Мы вообще-то без оружия были.

— И выглядели они... — Бахо замялся. — Короче, мне не понравилось.

— В смысле не понравилось?

— В смысле я не понял, нормальные они или уже башкой поехали.

На секунду все замолчали. Потому что за последний год люди действительно могли поехать головой после всего случившегося. Алина вдруг резко хлопнула себя ладонью по колену:

— Кстати! Об оружии.

И прежде, чем кто-то успел что-то спросить, сорвалась с места и унеслась в соседнюю комнату. Через несколько секунд вернулась обратно с ружьём в руках. У Вадима аж брови вверх поползли.

— О-о-о...

— Ага, — довольно заявила Алина. — А у нас таких два.

Следом из комнаты вышла Света с коробками патронов и карабином.

— И патронов нормально, — сказала она, выкладывая всё на стол. — Так что всё не так уж и плохо.

Мальчишки мгновенно оживились. Даже уставший Егор сразу поднялся со стула. Бахо осторожно взял ружьё в руки. Провёл ладонью по старому дереву приклада и проверил затвор.

— Старенькое... — тихо сказал он. — Но хорошее.

— Главное, стреляет, — вставил Миша.

— И патроны есть, — довольно добавила Алина.

Вадим усмехнулся:

— А мы-то думали, вы тут просто суп варили.

Света закатила глаза:

— Что бы вы вообще без нас делали?

Миша тут же ткнул её плечом:

— Ровно то же самое, что и вы без нас.

— То есть умерли бы?

— Скорее всего.

Все засмеялись и напряжение последних часов немного отпустило. Бахо тем временем уже стал серьёзным. Он аккуратно положил ружьё обратно на стол и посмотрел на всех:

— Ладно. Тогда слушаем дальше.

Мы постепенно расселись вокруг стола. За окнами шумел ветер, а где-то далеко перекачивались волны Байкала.

— Короче, — начал Вадим, — дрезина стоит возле старой станции. Там рядом сарай путейщиков и небольшой склад.

— Бензин тоже там? — спросила я.

— Ага. Несколько канистр нашли, но, думаю, нам хватит.

— А эти люди?

Миша поморщился:

— Вот это мне вообще не нравится.

Бахо нахмурился, подбирая слова.

— Они дёрганные какие-то были. И постоянно по сторонам смотрели.

— Может, просто испугались?

— Может.

— А может, нет, — тихо добавил Егор.

На пару секунд снова стало тихо. Я заметила, как Света машинально подтянула к себе коробку с патронами.

— И что делать будем? — спросила она.

Бахо сразу ответил:

— Завтра с утра идём за дрезиной.

— Все?

— Нет. Девчонки останутся здесь.

— Почему это? — тут же возмутилась Алина.

— Потому что если там действительно какие-то неадекваты, то лишние люди нам не нужны.

— Вообще-то у нас теперь есть оружие.

— И именно поэтому я не хочу, чтобы началась перестрелка.

Алина открыла рот, собираясь спорить дальше, но Вадим перебил:

— Мы быстро.

— А если они полезут?

— Тогда у нас тоже есть оружие.

Он кивнул на ружья.

— Мы заберём дрезину, дотащим её сюда по рельсам, загрузим вещи и уйдём.

— Эх, минивэн жалко.

— Мне тоже, — хмыкнул Миша. — Я к нему привык.

— Господи, это просто машина.

— Нет, Свет. Это наш боевой товарищ.

— И жрал бензина, как скотина, — добавил Егор.

— Но довёз же.

К вечеру дом снова погрузился в полумрак. Мы, как и вчера, завесили окна одеялами и шторами, чтобы ни один отблеск свечей не было видно снаружи. На газовой горелке тихо булькала кастрюля с похлёбкой, пахло тушёнкой, грибами и дымом от курток, которые висели у входа. Я достала бутылку вина и поставила её на стол.

— Ого, — сразу протянул Вадим. — Мы сегодня красиво живём.

— Вообще-то это очень дорогое вино, — сказала я, разглядывая этикетку. — Его надо пить из тонких бокалов и с умным лицом.

— Извините, — хмыкнул Миша, подвигая ко мне железную кружку. — У нас тут апокалипсис.

Все тихо засмеялись. Алина тут же полезла в рюкзак за штопором.

— Я же говорила, что он пригодится.

— Никогда больше не буду сомневаться в тебе и твоих странных решениях, — серьёзно кивнул Егор.

Пробка вышла с тихим хлопком, запах вина мгновенно смешался с запахом еды и сырого дерева. Я разлила его по кружкам и стаканам — понемногу, примерно по полстакана каждому.

— Ну... — Бах поднял свою кружку. — За то, что мы всё ещё живы.

— И это уже праздник, — поддержала Света.

Мы чокнулись кто кружками, кто стаканами.

— До дна! — весело заявил Миша.

Я автоматически послушалась и выпила всё сразу. Вино оказалось терпким, тёплым и неожиданно крепким после долгого времени без алкоголя. Буквально через несколько минут кровь прилила к щекам и стало заметно теплее. Мир чуть-чуть размылся по краям, а тело внезапно расслабилось так сильно, будто я только сейчас поняла, насколько устала.

Господи. Меня вынесло с одного стакана вина.

— О-о-о, — довольно протянула Алина, глядя на меня. — Сашу повело.

— Неправда, — тут же возмутилась я и сама услышала, как смешно это прозвучало. Все засмеялись.

— Да у тебя даже глаза поплыли, — хохотнул Вадим.

— Это освещение плохое.

— Конечно.

Света, сидевшая рядом, прыснула со смеху и ткнулась мне лбом в плечо. Разговоры становились всё громче, бессвязнее и смешнее. Кто-то начал вспоминать какие-то идиотские истории ещё до всего этого кошмара. Кто-то спорил, какая лапша быстрого приготовления была самой вкусной. Миша с серьёзным лицом доказывал, что выживать без пельменей вообще бессмысленно. Алина уже смеялась так, что почти сползла со стула.

— Блин... — тихо выдохнула Света, крутя кружку в руках. — Я уже забыла, каково это вообще... просто сидеть вот так.

— И никуда не идти завтра в тайгу с утра, — усмехнулся Егор.

— И не просыпаться от того, что кто-то опять дрова колоть пошёл, — добавила Алина.

— Это был Бахо, — сразу сдал его Миша.

— Конечно, это был я, — фыркнул Бахо. — Потому что, если бы не я, вы бы там все замёрзли.

— Ага, наш добытчик.

— Наш лесной батя, — серьёзно кивнул Вадим.

Все снова засмеялись.

— Вообще, — протянула Алина, отпивая ещё вина, — я до сих пор не могу поверить, что мы реально сидим сейчас в доме на Байкале.

— И пьём дорогое вино, — добавил Миша.

— Из железных кружек, — хмыкнула Света.

— Эстетика постапокалипсиса.

— Слушайте, а мне вот интересно, — вдруг сказал Егор, — сколько эта бутылка вообще стоила раньше?

Я посмотрела на этикетку.

— Очень дорого.

— Конкретнее?

— Ну... — я пожала плечами. — За эти деньги сейчас можно было бы купить половину нашего лагеря.

— Или Мишу, — невозмутимо сказал Вадим.

— Эй.

— Недорого.

Все опять заржали. Миша театрально оскорбился и откинулся на спинку стула.

— Вот вы смеётесь, а я вообще-то ценный кадр.

— Почему?

— Потому что я красивый.

— После года в тайге? — Алина скептически прищурилась.

— Особенно после года в тайге.

— Господи... — Света уже смеялась, уткнувшись лбом в стол.

Первым поднялся Бахо. Он потянулся, провёл ладонью по лицу и хлопнул себя по коленям.

— Всё, народ, хорош сидеть. Завтра тяжёлый день и ранний подъём. Если наш гениальный план не развалится к чёртовой матери, то следующую ночь мы уже будем спать где-нибудь в нормальном месте.

— С печкой, — сонно пробормотала Света.

— И желательно с кроватью.

Все лениво зашевелились. Кто-то начал собирать кружки, кто-то растаскивал одеяла, Миша с Вадимом опять толкались плечами и тихо ржали над чем-то своим. Я тоже поднялась, переоделась и залезла в спальник почти с головой.

После вина тело приятно разморило. Я устроилась поудобнее, слушая, как постепенно затихают голоса. Перед глазами ещё всплывали обрывки вечера.

Эстетика постапокалипсиса, дорогое вино в железных кружках, смех Алины.

Миша, который доказывал, что без пельменей человечество не выживет. Собака в пустом доме. Ружья. Байкал.

Я перевернулась на другой бок, невольно улыбаясь в темноту. И именно в этот момент он снова всплыл в голове. Так резко и ясно, будто всё это время просто стоял где-то рядом. Тёмные глаза, тяжёлый взгляд, его руки. У меня даже дыхание сбилось от того, насколько отчётливо память вдруг подкинула ощущения.

Как он прижимал меня к себе. Как горячо целовал в шею. Как его ладонь медленно скользила по груди, заставляя всё внутри плавиться от одного только прикосновения. Я зажмурилась сильнее, уткнувшись носом в спальник. И всё равно опять увидела его. Не лицо или взгляд, а то, как он нависал надо мной в полутьме зимовья — огромный, горячий, опасный до мурашек. Как его ладонь медленно скользила по моему животу, будто он сам до конца не понимал, зачем вообще меня трогает, но остановиться уже не мог. У меня от этого воспоминания внутри всё сладко сжалось. Я вспомнила, как он прижимал меня к себе ночью — так тесно, будто инстинктивно пытался спрятать от всего мира. Как утыкался лицом мне в шею и замирал на секунду, втягивая запах. Как потом пальцы сильнее сжимались на моей талии, когда я начинала тихо задыхаться от его поцелуев. Господи... Я резко зажмурилась и уткнулась лицом в спальник. Перед глазами тут же всплыло другое — как он смотрел на меня после. Молча, своим тяжёлым взглядом, от которого у меня внутри всё переворачивалось. Словно я была для него одновременно самой большой ошибкой и чем-то, от чего он уже не способен отказаться. Вино приятно шумело в голове, и от этого воспоминания становились ещё опаснее. Я вспомнила, как прижавшись друг к другу, провела ногтями по его спине, как он тогда тихо выдохнул мне прямо в губы — хрипло, почти зло, словно сам ненавидел себя за то, что ему хорошо. Сейчас это будоражило сильнее всего. Я прикусила губу и тихо усмехнулась в темноту.

— Хватит, — едва слышно пробормотала себе под нос.

Глава 3

— Просыпайся, соня.

Я застонала и натянула спальник на голову.

— Нет.

— Да.

— Нет.

— Да.

Кто-то ткнул меня в бок. Я приоткрыла один глаз и увидела ухмыляющуюся Алину.

— Ненавижу вас всех.

— Отлично. Значит, настроение хорошее.

Я перевернулась на спину и уставилась в потолок. Спала я отвратительно. Сначала долго не могла уснуть. Потом в голове крутились мысли одна хуже другой. То мне казалось, что мы всё делаем правильно. То наоборот — что мы куда-то лезем и обязательно вляпаемся в неприятности. То я начинала думать о людях, которых вчера видели ребята возле станции. Потом мысли снова свернули совсем не туда. В итоге уснула я уже под утро.

За окнами было светло, в доме пахло кофе. Кто-то уже возился возле горелки.

— Вставай, — сказал Бахо. — У нас сегодня важный день.

— У нас каждый день важный.

Через несколько минут все уже сидели вокруг стола с кружками в руках. Бахо хлопнул ладонью по столу.

— Так что мы имеем. Дрезина есть, топливо есть, железная дорога есть. Осталось всё это соединить в одну счастливую историю.

— А если не поедет? — спросил Егор.

— Поедет.

— А если нет?

— Тогда будем толкать.

— Я так и знал, что твой план в итоге сведётся к тому, чтобы заставить нас что-нибудь толкать.

Все засмеялись.

— Короче. Мы идём за дрезиной. Берём оружие, на всякий случай.

Он кивнул на ружья.

— Вы трое остаётесь здесь. Собираете вещи, проверяете запасы и ждёте нас.

— А если придут те странные люди? — спросила Алина.

Улыбки немного померкли.

— Тогда закрываете дверь и не геройствуете, — ответил Бахо уже серьёзнее. — Нас всего несколько часов не будет.

Через двадцать минут они ушли. Хлопнула дверь и мы проводили их взглядами через окно. В доме вдруг стало непривычно тихо. Света первой нарушила молчание.

— Мне одной страшновато?

— Не одной, — призналась Алина.

Я пожала плечами.

— Всё будет нормально.

— Очень убедительно прозвучало.

— Стараюсь.

Некоторое время мы молча пили кофе. Потом Алина вдруг подняла голову.

— А вы заметили одну вещь?

— Какую?

— Тишину.

Мы прислушались. Ветер, шум волн где-то внизу, скрип старого дома. И больше ничего.

— Дроны, — сказала она. — Их не слышно.

Света осторожно улыбнулась.

— Значит, мы всё-таки движемся в правильную сторону.

Спорить никто не стал.

— Знаете, по чему я скучаю? — вдруг сказала Света спустя время.

— По суши, — сразу ответила Алина.

— Откуда ты знаешь?

— Ты это уже раз двадцать говорила.

— Потому что это важно.

— Конечно. Конец света, вампиры, апокалипсис, а Света страдает из-за суши.

— Не из-за суши. Из-за лосося.

— Есть разница?

— Огромная.

Мы рассмеялись.

— А ты? — Света ткнула пальцем в Алину.

Та задумалась.

— По нормальному шампуню.

— Чего?

— Я серьёзно.

— Из всего мира?

— Да. Чтобы волосы пахли вкусно и выглядели не как после мыла.

Света закатила глаза.

— Господи, какие вы обе скучные.

— А ты у нас ценитель высокой кухни.

— Именно.

— А ты по чему скучаешь? — спросила Света.

Я задумалась. На самом деле вариантов было много. По нормальному кофе из кофейни, горячей пище, кинотеатрам. По возможности заказать доставку еды посреди ночи.

— По машине, наверное.

Алина даже перестала копаться в коробке.

— По машине?

— Ага.

— Серьёзно?

Я улыбнулась.

— Не совсем по машине. Скорее по тому, что она давала.

— И что она давала?

Я на секунду задумалась, подбирая слова.

— Свободу.

Света фыркнула.

— Очень пафосно звучит.

— Знаю.

Я рассмеялась.

— Но это правда. Я любила ездить ночью, когда город уже спал, на дорогах становилось мало машин. Садись за руль, включаешь музыку и просто едешь куда угодно.

— И куда ты ездила?

— Да куда угодно, по Москве каталась, кольцам этим бесконечным, иногда просто выезжала на трассу.

— Просто так?

— Просто так.

Я пожала плечами.

— Помню, однажды вечером сидела дома, делать было нечего. Посмотрела на часы, собралась и поехала в Нижний Новгород.

— Ночью?!

— Ночью.

— Ты ненормальная.

— Возможно.

Мы засмеялись.

— И что там было такого срочного в Нижнем Новгороде?

— Ничего.

— Тогда зачем?

— Потому что могла.

На несколько секунд стало тихо.

— Вот этого мне и не хватает. Сесть, поехать, свернуть в какую-нибудь сторону. Остановиться и выпить кофе на заправке. Без карт, планов и мыслей, просто дорога.

Света мечтательно выдохнула.

— Блин...

— Что?

— Теперь я тоже по этому скучаю.

— Ты же никогда так не делала.

— Не делала.

Она усмехнулась.

— Но звучит офигенно.

— Особенно про кофе на заправке, — поддержала Алина.

— Да, — серьёзно кивнула Света. — Я сейчас даже на кофе с заправки согласна.

— А я на любой кофе.

— А я на любую машину.

— А я вообще на любую цивилизацию.

Мы снова рассмеялись.

Спустя несколько часов за окном раздался незнакомый треск. Сначала мне показалось, что где-то совсем рядом завели старый мотоцикл. Потом звук стал громче. К нему примешался металлический лязг, дребезжание и глухой стук колёс о стыки рельсов.

Чук-чук.

Чук-чук.

Мы одновременно замолчали.

— Слышали? — подняла голову Света.

Я уже была у окна, звук приближался. Неровный, тарахтящий, будто по железной дороге ехал собранный из металлолома трактор.

— Может, ребята? — неуверенно предположила Алина.

Мы быстро вышли из дома. На улице ветер тут же ударил в лицо. Звук теперь был совсем близко. Мы обогнули дом, поднялись к железной дороге и увидели её. Небольшая путевая платформа медленно выкатилась из-за поворота и остановилась напротив дома. Над двигателем поднимался лёгкий сизый дымок.

Мотор продолжал недовольно тарахтеть. Платформа выглядела грубо и надёжно одновременно — металлическая рама, четыре железнодорожных колеса и большая открытая площадка позади двигателя. На ней спокойно могли разместиться несколько человек и целая гора вещей. Сейчас там уже лежали канистры, инструменты, какие-то ящики и пара свёрнутых брезентов. Первым прыгнул Бахо, следом Миша.

— Всё, давайте быстрее! — крикнул Бахо ещё на ходу. — Собираемся!

— Что случилось? — спросила Света.

— Ничего не случилось. И очень хочется, чтобы ничего не случилось дальше.

— Люди?

— Не видели.

Он махнул рукой.

— Но испытывать удачу я не собираюсь. Давайте грузиться.

Егор и Вадим уже направились к минивэну. Мы переглянулись и почти бегом бросились в дом. Через несколько минут всё пришло в движение. Рюкзаки., оружие, коробки с продуктами, пакеты, канистры, сумки с одеждой. Казалось, за эти несколько дней мы успели накопить вещей столько, будто собирались переезжать через половину страны. Платформа постепенно заполнялась. Гора имущества росла на глазах. Я поставила очередной рюкзак сверху и с сомнением посмотрела на конструкцию.

— Оно точно выдержит?

— Выдержит, — уверенно ответил Бахо.

Он хлопнул ладонью по металлическому борту.

— Эту штуку лет двадцать назад делали люди, которые не знали слова "экономия".

Мы разместились кто где смог. Я устроилась на свернутом брезенте, прижав к себе рюкзаки. Бахо сел впереди, возле двигателя. Перед ним торчало несколько рычагов и металлическая панель с приборами, большая часть которых уже давно не работала. Он повернул какой-то вентиль, подкачал топливо, дернул рычаг, двигатель закашлялся и заглох.

— Давай, родная, — пробормотал он.

Еще раз. Двигатель чихнул густым сизым дымом и наконец ожил. Платформа задрожала всем корпусом. Где-то под ногами загрохотало железо. Мотор заработал ровно, хотя и очень громко. Бахо потянул рычаг вперед, раздался металлический лязг и платформа медленно тронулась. Сначала едва заметно, потом быстрее. Ветер тут же ударил в лицо. Я машинально убрала волосы за уши и оглянулась. Дом, в котором мы провели последние несколько дней, начал медленно удаляться. Через минуту он уже скрылся за деревьями, а впереди открылся Байкал.

Я думала, что меня уже невозможно удивить, оказалось — можно. Железная дорога шла прямо вдоль скал. Слева возвышалась отвесная каменная стена.

Темная, изрезанная трещинами, казалось, будто кто-то гигантским ножом рассекал гору. Справа лежал бесконечный свинцово-синий Байкал. Солнечные лучи время от времени пробивались сквозь тучи и скользили по воде длинными серебристыми дорожками. Волны бились о камни далеко внизу. Я смотрела на это и не могла оторваться. Иногда мне казалось, что мы едем не по железной дороге, а по краю мира. Впереди появился первый тоннель. Высокая черная арка выросла прямо перед нами. Старая, сложенная из потемневшего камня. Платформа нырнула внутрь и мир сразу исчез, будто кто-то выключил свет. За пределами небольшого круга, который давала фара, не было ничего кроме черноты. Гул двигателя многократно усилился и заметался под каменными сводами. Каждый стук колес отдавался эхом.

Чук-чук.

Чук-чук.

Мне даже стало немного не по себе. Казалось, тоннель никогда не закончится. Но впереди появилась светлая точка, а через несколько секунд нас снова ослепило дневным светом. Я выдохнула и невольно улыбнулась. А потом впереди показался следующий тоннель. И ещё один. И ещё. Некоторые были совсем короткими, другие уходили глубоко в гору. В одном из них дорога даже изгибалась. Свет исчез почти сразу после входа. Фара освещала только мокрые стены впереди, а дальше была абсолютная темнота. Я сидела, вцепившись пальцами в край платформы, и чувствовала себя ребенком на каком-то невероятном аттракционе. За всю свою жизнь я не видела ничего похожего. Кругобайкалка была похожа на отдельный мир, забытый всеми людьми. И чем дальше мы ехали, тем сильнее мне казалось, что именно здесь заканчивается старая жизнь и начинается какая-то новая.

Спустя примерно час Бахо начал сбрасывать скорость. Рёв двигателя стал тише. Платформа начала замедляться. Колёса ещё несколько секунд стучали по рельсам, а потом мы окончательно остановились, вынырнув из очередного тоннеля.

— Так, — сказал Бахо, поднимаясь. — Посмотрим.

Он первым спрыгнул вниз. Я тоже слезла с платформы и огляделась. Место выглядело интересно. Железная дорога проходила через узкую расщелину между скалами. Справа почти отвесно поднималась каменная стена, поросшая соснами.

Слева склон уходил вниз к Байкалу. Вода отсюда казалась совсем близкой, но я быстро поняла, что это обманчивое впечатление. Между нами и берегом лежал довольно крутой спуск, заваленный камнями и кустарником. Чуть дальше стоял небольшой вагончик путейцев, рядом два деревянных дома. Когда-то здесь явно жили люди, обслуживавшие железную дорогу. Теперь место выглядело заброшенным. Именно таким, какое мы искали.

— Неплохо, — пробормотал Вадим.

— Очень даже неплохо, — согласился Миша.

Мы подошли к вагончику, на двери висел массивный навесной замок. Бахо подёргал ручку.

— Закрыто.

— Может, и к лучшему, — хмыкнул Егор. — Значит, никто не лазил.

Первый дом оказался совсем унылым. Серые перекошенные стены, просевшая крыша, гнилое крыльцо. Даже снаружи он выглядел так, будто готов развалиться от хорошего пинка.

— Нет, — сразу покачал головой Бахо. — Этот отпадает.

Второй выглядел крепче. Небольшой с двумя окнами, железной печной трубой. Дверь тоже была заперта. На этот раз церемониться никто не стал. Егор принёс лом, несколько секунд возни, треск, глухой удар. Замок вылетел вместе с частью дверной коробки. Мы осторожно вошли внутрь. В доме пахло старой древесиной, пылью и сыростью. Я поморщилась. Внутри всё было каким-то серым и пустым. У стены стояла железная кровать, в углу валялся перевернутый табурет, на полу толстым слоем лежала пыль. Света подошла к окну и сразу чихнула.

— Романтика.

— Ага, — усмехнулась Алина. — Особенно запах.

Я прошла дальше. Печка вроде была целой, крыша тоже не текла, но оставаться здесь совершенно не хотелось. Слишком тесно, мрачно и неудобно. Словно сам дом говорил: "Ищите другое место". Бахо тем временем вышел наружу и долго смотрел вниз на Байкал. Потом задумчиво почесал затылок.

— Нет.

— Что нет? — спросил Вадим.

— До воды далеко.

Мы все повернулись к нему.

— Тебя только это смущает? — спросила Света.

— Даже наш санаторий был лучше.

Бахо хлопнул ладонями друг о друга, стряхивая грязь.

— Значит, смотрим дальше. Раз уж приехали сюда, будем искать место, где можно прожить всю зиму, а не только первые три дня.

Минут через двадцать Бахо снова прибавил газ. Дрезина неторопливо катилась вдоль берега, подпрыгивая на стыках рельсов. Ветер трепал волосы. Справа всё так же шумел Байкал, слева тянулись скалы. А потом впереди показался большой тоннель. Гораздо больше всех предыдущих. Чёрная арка словно разрезала гору пополам.

— Ничего себе, — присвистнул Миша.

— Длинный, — согласился Бахо.

И через несколько секунд мы въехали внутрь. Свет исчез почти мгновенно, фара выхватила из темноты влажные каменные стены. Потолок терялся где-то наверху.

Колёса грохотали по рельсам. Эхо металось между стенами, усиливая каждый звук в несколько раз.

Чук-чук.

Чук-чук.

Я невольно поёжилась. В тоннеле было гораздо холоднее. От сырых стен тянуло ледяной влагой. Казалось, будто сама гора дышит тебе в затылок. Мы ехали и ехали, а выхода всё не было. В какой-то момент мне начало казаться, что тоннель никогда не закончится, и мы просто едем куда-то в бесконечную темноту. И когда впереди наконец появилась крошечная белая точка, я выдохнула с таким облегчением, будто всё это время задерживала дыхание. Свет быстро приближался. Становился ярче, а потом мы вылетели наружу. Я тут же зажмурилась. После темноты солнце показалось ослепительным. Даже сквозь закрытые веки чувствовалось

его тепло. Ветер снова ударил в лицо. Запахло водой, хвоей и древесиной. Я открыла глаза и замерла. Перед нами раскинулась небольшая долина, спрятанная между сопками. По обе стороны поднимались лесистые склоны. Не отвесные скалы, как раньше, а именно мягкие зелёные горы.

Между ними расположились небольшие деревянные дома, потемневшие от времени. Всего восемь или девять построек. Некоторые стояли ближе к железной дороге. Другие прятались среди деревьев. Посередине посёлка журчала горная река с прозрачной водой и каменистым руслом. Она разделяла посёлок на две части и убегала вниз, к Байкалу. Солнце отражалось в воде тысячами серебряных бликов.

— Вот, — довольно сказал Бахо, сбрасывая скорость. — Это место.

Дрезина медленно остановилась.

— То самое? — спросил Егор.

Бахо кивнул.

— Именно.

Он спрыгнул первым и внимательно осмотрелся. Потом поднял голову к склонам.

Посмотрел на дома, реку, небо, словно сверялся с воспоминаниями.

— Я про него говорил, — наконец произнёс он. — Если честно, я с самого начала сюда и хотел.

Я тоже слезла с платформы. Здесь было удивительно тихо и спокойно. Река шумела, где-то скрипели сосны, ветер шелестел листвой. Мы все невольно начали оглядываться и всматриваться в окна домов. Пытаясь понять, есть здесь кто-нибудь или нет.

— Пока никого не вижу, — сказал Вадим.

— Я тоже, — кивнул Миша.

— Всё равно расслабляться рано, — ответил Бахо. — Давайте сначала всё проверим.

Он махнул рукой в сторону домов.

— Осматриваемся. Смотрим каждое здание. Потом уже будем решать, остаёмся мы здесь или едем дальше.

Осмотр занял почти два часа. Мы заходили в каждый дом. Проверяли печи, чердаки, подвалы и сарай. Большая часть домов выглядела вполне жилой. Будто хозяева просто однажды утром ушли и больше не вернулись. Где-то на столах до сих пор стояла посуда, лежали детские игрушки. Я старалась не думать, что стало с людьми, которые здесь жили.

В двух домах было особенно заметно, что их сдавали туристам. Небольшие комнаты, несколько одинаковых кроватей, аккуратно застеленные матрасы. Даже инструкции для отдыхающих ещё висели на стенах.

— Мини-гостиница, — хмыкнула Алина, рассматривая один из номеров.

— Когда-то была, — поправил её Бахо.

Но настоящий восторг у нас вызвал последний двухэтажный дом. Он стоял чуть в стороне от остальных, ближе к реке. Из толстого бруса с высокой крышей и большой верандой. Когда мы вошли внутрь, даже Вадим присвистнул.

— Вот это уже разговор.

Внутри было сухо. Тепло дом, конечно, не держал, но и сыростью не тянуло. Стены оказались крепкими, полы нигде не проваливались, крыша выглядела надёжной. На первом этаже находилась просторная кухня, с настоящей большой печью. Не просто железная буржуйка, не туристическая временка, а капитальную кирпичную печь с варочной поверхностью и духовкой. Я подошла ближе, провела рукой по кирпичу, открыла заслонку. Всё было целым.

— Ого, — присвистнула Света. — Ты чего зависла?

— Да так...

Я провела рукой по печи ещё раз.

— Просто хорошая.

На втором этаже обнаружили три отдельные комнаты с окнами на Байкал. С удобными кроватями, добротными шкафами и крепкими дверями. Во дворе нас ждал ещё один сюрприз. Колодец. Бах первым заглянул вниз. Потом довольно кивнул.

— Вода есть.

Егор тут же проверил глубину.

— И чистая.

Я машинально посмотрела на реку, потом на колодец. Зимой это действительно было важно. Так же на территории стоял большой сарай, в котором чего только не было. Рядом с сараем стоял аккуратный дровник. Спустя несколько минут Бахо хлопнул ладонью по перилам и подвёл итог:

— Всё. Лучше мы сегодня уже не найдём.

Повисла короткая тишина, а потом все одновременно закивали. Кажется, впервые за долгое время решение было единогласным. Мы остаёмся.

— Ну что, новосёлы, — хлопнул в ладони Вадим. — Чего стоим? Работы полно.

И работа действительно нашлась сразу. Мы вернулись к дрезине и начали перетаскивать вещи, рюкзаки, ящики с продуктами. Каждый раз приходилось проходить через двор, подниматься на крыльцо, открывать дверь плечом и складывать очередную ношу где-нибудь в углу гостиной. Через полчаса я уже чувствовала, как начинают ныть плечи. Но усталость была какая-то приятная. Которая появляется после хорошо сделанной работы.

Дом постепенно наполнялся вещами. На подоконниках появились кружки, у стен выстроились рюкзаки, в углу аккуратно сложили оружие. На втором этаже без споров и обид распределили комнаты. Всем уже было всё равно, кто где будет спать, главное — крыша над головой.

Пока мы таскали последние вещи, Бахо занялся печью. Я как раз вошла на кухню, когда он сидел перед открытой дверцей и осторожно укладывал растопку.

Через несколько минут внутри вспыхнул первый огонёк. Я сама не ожидала, насколько приятно оказалось смотреть на обычное пламя. По кирпичам побежало первое тепло, а вместе с ним по дому начало расползаться ощущение уюта.

— Работает, — довольно сообщил Бахо.

Словно кто-то вообще в этом сомневался. Через час на кухне стало заметно теплее. Куртки начали исчезать со спинок стульев. На улице уже начинало вечереть, а внутри становилось всё уютнее. Разбирая шкафчики, мы нашли настоящий клад. Полный мешок муки, несколько пачек круп, соль, сахар. И огромную тяжёлую чугунную сковороду.

— Да мы теперь как помещики живём, — восхищённо объявила Алина, поднимая её двумя руками.

— Осталось только корову найти.

Мы со Светой переглянулись и рассмеялись.

Глава 4

Я сама не заметила, как прошла неделя. Неделя в новом доме пролетела удивительно быстро. Мы обжились. Натаскали дров, распределили обязанности, проверили ближайшие окрестности. Каждый день был похож на предыдущий и одновременно совершенно не похож на мою прошлую жизнь. Сегодня я снова ушла в лес одна. Лук привычно висел за спиной. На поясе болтался нож. В карман куртки я сунула несколько мотков тонкой лески — хотела проверить пару мест и поставить силки. Иногда мне самой становилось смешно. Двадцать восемь лет. Москва. Риелтор. Если бы кто-нибудь год назад сказал мне, что я буду ходить по тайге с луком, выслеживать зверей и радоваться удачно найденной заячьей тропе, я бы решила, что этот человек сошёл с ума. Теперь же всё это казалось совершенно обычным.

Лес встретил меня прохладой и запахом хвои. Где-то высоко над головой скрипели деревья. Между стволами плясали солнечные лучи. Я медленно поднималась по распадку всё дальше от посёлка. Очень скоро стали попадаться следы. Я присела на корточки и провела пальцами по вытоптанной земле.

Животных здесь было много. Люди исчезли, охотники тоже. За целый год лес успел вернуть себе то, что когда-то принадлежало ему. Я выпрямилась и пошла дальше. Где-то впереди послышался лёгкий шорох. Настолько тихий, что другой человек, возможно, даже не обратил бы внимания. Я замерла. Шорох повторился.

Ещё раз и ещё. Между кустами мелькнуло серое пятно. Крупный, упитанный заяц.

Летний жирок ещё не успел полностью сойти, и выглядел он так, будто последние месяцы только и делал, что ел. Я осторожно без резких движений сняла лук со спины. Тетива легла на пальцы привычно и уверенно. Стрела скользнула на место. Я вдохнула и задержала дыхание. В этот момент мир словно стал тише.

Исчез ветер, звуки леса, остались только я, лук и маленькая серая фигурка между кустами. Стрела сорвалась с коротким свистом. Глухой удар. Заяц даже не успел понять, что произошло. Я медленно выдохнула.

— Прости, дружок, — тихо сказала я, подходя ближе. — Голодать нам не хочется.

Я подняла добычу за задние лапы и невольно усмехнулась. Иногда мне казалось, что за этот год я прожила не одну жизнь, а сразу несколько. И каждая новая версия меня удивляла предыдущую всё сильнее. А потом, совершенно неожиданно, в голове всплыл другой вопрос. Тот самый, который почему-то раньше не приходил мне в голову. Я остановилась посреди леса и нахмурилась.

А ведь действительно...Как он тогда выжил? После выстрела. После всего того, что я видела своими глазами. Почему я ни разу не спросила? Почему вообще не задумалась об этом раньше? Я раздражённо мотнула головой.

— Да хватит уже.

Слова растворились среди деревьев. Крепче перехватив добычу я направилась обратно к посёлку. Уже виднелись крыши домов между деревьями, когда до меня донёсся чужой голос. Я замерла. Показалось? Нет. Ещё один голос, потом третий. Сердце мгновенно ухнуло куда-то вниз, по спине пробежал холодок. Я машинально перехватила зайца поудобнее и прислушалась. Определённо чужие голоса доносились со стороны дома. Чёрт! Первой мыслью были вампиры, второй люди. Я быстро пошла вперёд, стараясь не шуметь. Возле нашего дома стояло восемь или девять вооружённых мужчин. У кого-то за спиной висело ружьё. Один держал оружие, вообще не снимая с плеча. Одежда была разномастной, старые камуфляжи, засаленные куртки, потёртые бушлаты. Кто-то выглядел так, будто не снимал свою одежду несколько месяцев подряд. Лица обветренные, заросшие, усталые и неприятные. Бахо стоял возле крыльца вместе с остальными ребятами. Разговор явно уже шёл какое-то время.

— Да мы просто мимо идём, — говорил высокий мужчина лет пятидесяти с седой щетиной. — Увидели дымок, решили поздороваться.

Голос у него был спокойный, даже дружелюбный, но глаза оставались совершенно холодными. Он первым заметил меня. Повернул голову и замолчал.

Следом начали оборачиваться остальные. И вот тогда мне стало совсем не по себе. Потому что смотрели они вовсе не на зайца в моих руках. И не на лук за спиной. Они смотрели на меня. Один из мужчин даже слегка присвистнул. Другой толкнул локтем соседа. Я это заметила, как и то, как чей-то взгляд медленно скользнул по мне сверху вниз. Слишком медленно и откровенно, будто меня уже мысленно раздели. Рядом стоял молодой парень лет двадцати пяти. Щёки впалые, глаза какие-то лихорадочно блестящие. Он даже усмехнулся краешком рта, заметив, что я это поняла. Мне захотелось немедленно развернуться и уйти обратно в лес.

— А это кто у вас? — спросил он.

— Наша, — спокойно ответил Егор.

Парень усмехнулся ещё шире.

— Да я вижу, что ваша.

От этой улыбки внутри всё неприятно сжалось. Я не торопясь подошла ближе к своим и заняла место рядом с Бахо. Так, чтобы между мной и незнакомцами стояли ребята. Один из мужчин, бурят примерно возраста Бахо, что-то сказал ему на родном языке. Я не поняла ни слова, но Бахо ответил коротко. Тот кивнул. И только после этого снова посмотрел на меня уже без улыбки. Но легче от этого почему-то не стало. Воздух словно натянулся. Пока ещё никто не угрожал, не повышал голос, не хватался за оружие. Со стороны всё выглядело почти мирно, но где-то глубоко внутри уже появилась мерзкое чувство.

Я даже не стала разуваться нормально. Стянула ботинки и почти бегом прошла на кухню. Света и Алина уже стояли там. Судя по их лицам, выглядела я сейчас примерно так же. В руках я всё ещё сжимала зайца, так крепко, что пальцы побелели. Сердце колотилось где-то в горле.

— Вы видели? — тихо выдохнула Алина.

Я только кивнула.

— Господи...

Через пару минут входная дверь тихо скрипнула и на кухню заглянул Миша. Мы втроём одновременно уставились на него. Он не успел ничего сказать, просто поднял палец к губам.

— Тихо.

После чего сам замер, прислушиваясь. Снаружи ещё слышались негромкие голоса. Ещё через несколько минут в дом начали заходить остальные. Последним вошёл Бахо. Он сразу прошёл к окну и осторожно отодвинул край занавески. Я поднялась со стула и подошла к нему на цыпочках. Пыталась двигаться как можно тише, хотя прекрасно понимала, что никто меня не услышит. Мужчины уже медленно спускались к Байкалу и что-то обсуждали между собой. Один из них даже громко засмеялся. Потом они свернули к одному из пустующих домов ближе к берегу.

— Там решили остановиться, — тихо сказал Бахо.

Мы ещё несколько секунд молча смотрели им вслед. Только тогда Егор шумно выдохнул.

— Ну и рожи.

— Мне одному показалось, что они нас уже мысленно обнесли? — хмыкнул Вадим.

— Не показалось, — сухо ответил Миша.

Света нервно обняла себя за плечи.

— Они точно просто проходят мимо?

Молчание сказало гораздо больше любых слов.

— Послушайте меня внимательно, — наконец произнёс Бахо.

Голос у него был спокойный.

— Паниковать не будем, но и расслабляться тоже.

— Думаешь, полезут? — спросил Егор.

Бахо несколько секунд молчал, потом пожал плечами.

— Не знаю. Но я таких людей видел и мне они не нравятся.

В комнате снова повисла тишина.

— Может, они действительно просто переночуют и уйдут? — тихо сказала Алина.

— Может, — кивнул Бах.

И после короткой паузы добавил:

— Очень хотелось бы, чтобы именно так и было.

Он посмотрел сначала на нас с девочками, потом на парней.

— Оружие всё держим под рукой. Ночью будем дежурить по очереди. По одному никто никуда не ходит, ни в лес, ни к реке. Никуда.

Я машинально скользнула взглядом по ружьям. Одно у Бахо, одно у Егора, одно у Вадима, одно у Миши. Ещё два стояли возле стены. Шесть стволов на семерых. Света поймала мой взгляд и тут же усмехнулась.

— Ну-у, а у тебя лук.

Я фыркнула.

— Спасибо. Успокоила.

— Зато бесшумный.

Я опустила взгляд на свои руки. Лук меня действительно устраивал больше. Я невольно вспомнила тот день. Вспомнила, как дрожал палец на спусковом крючке.

И как я так и не смогла нажать. Ружьё мне сейчас было бы бесполезнее лопаты.

— В любом случае, — продолжил он. — Сегодня ночью дежури́м по двое.

На это никто спорить не стал. За окном всё было спокойно. Словно сам посёлок прислушивался вместе с нами. Я ещё несколько секунд смотрела через щель между занавесками, но чужаков уже не было видно. Только Байкал, деревья и вечерний ветер. Наконец я выдохнула и подняла за уши своего несчастного зайца.

— Ладно.

Все на меня посмотрели.

— Если нас сегодня всё-таки не убьют, то ужин у нас будет отличный.

На секунду повисла тишина. Потом Миша заржал первым, следом Вадим, даже Бах усмехнулся.

— Оптимистично.

— А что остаётся? — пожала плечами я. — Я его, между прочим, полдня выслеживала.

— Врёшь.

— Вру.

Ребята все вместе рассмеялись. Напряжение постепенно начало отпускать. Оно всё ещё сидело где-то внутри неприятным холодным комком. Но жизнь понемногу брала своё. Кто-то пошёл за водой, кто-то начал растапливать печь. Света принялась ворчать на Алину из-за разбросанных вещей. И спустя час уже можно было поверить, что ничего страшного не происходит.

*** **

— Монголы хотя бы выглядели нормально, — проворчал Вадим, усаживаясь на табурет. — Помните тех?

— Ага, — кивнула Света. — Те хоть улыбались.

— Эти тоже улыбались, — хмыкнул Миша.

— Ты понял, о чем я...

В комнате снова стало тихо. Я посмотрела на Бахо.

— А что они вообще говорили?

Он ещё несколько секунд смотрел в окно, будто прокручивал разговор заново.

— Да ничего особенного. Спрашивали, откуда мы.

— И что ты ответил?

— Что пришли со стороны гор.

— А они?

— Сказали, что идут по железке дальше. На бурятскую сторону.

— Зачем?

— Кто их знает.

Он пожал плечами.

— Якобы слышали, что там людей больше осталось.

— И ты поверил?

— Нет.

— Я тоже бы не поверил, — пробормотал Миша.

Бахо кивнул.

— Потом начали спрашивать, давно ли мы здесь.

— И?

— Сказал, что недавно.

— Правильно.

— Потом интересовались, много ли тут домов пустых.

— Вот это уже интересно, — тихо сказал Света.

— Вот и мне так показалось.

Я почувствовала, как внутри снова шевельнулось неприятное чувство.

— А про нас спрашивали?

На этот раз Бахо ответил не сразу.

— Спрашивали.

В комнате стало тихо.

— Что именно?

— Кто живёт, сколько человек, есть ли женщины, дети.

Я увидела, как Алина недовольно поджала губы.

— Ну охренеть.

— Угу.

— И что ты сказал?

— Что нас семеро.

— Про девочек сказал?

— Они и так видели.

Тут спорить было бессмысленно. Я вспомнила их длинные липкие взгляды и мне снова стало не по себе.

— Один ещё спросил, семьи мы или нет.

— Чего? — фыркнула Света.

— Именно это я и подумал.

— И что ты ответил?

— Что это не его дело.

Миша негромко усмехнулся.

— Короче, слушайте.

Бахо выпрямился и серьёзно произнёс.

— Может, они действительно просто переночуют и уйдут. Может. Я очень надеюсь, что именно так и будет. Но если нет...

Зайца приготовили в печи. Разделали, натёрли солью, добавили немного сушёных трав, которые нашлись среди запасов, положили куски в чугунок и поставили поближе к жару. Мясо получилось удивительно мягким с лёгким запахом дыма. Наверное, самым вкусным ужином за последние недели. После еды я предложила остаться дежурить первой.

— Всё равно не усну, — пожалала плечами я.

Но меня дружно отправили отдыхать.

— Успеешь ещё накараулиться, — отмахнулся Бахо.

В итоге решили, что сначала дежурят он с Егором. Потом их сменят Миша с Вадимом. Свечи решили лишней раз не жечь. Когда начало темнеть, дом постепенно погрузился в мягкий полумрак. За окнами стояла ясная ночь. Большая луна висела над Байкалом. Серебристая дорожка дрожала на воде, уходя куда-то в темноту. Я несколько минут простояла возле окна,

невольно всматриваясь в ту сторону, где остановились чужаки. Никаких огней или движения, только чёрные силуэты деревьев и бесконечная тёмная вода. Наверху тихо поскрипывали половицы. Кто-то из ребят переходил от одного окна к другому. Проверял берег, лес, дорогу, потом всё снова затихало.

Я забралась под одеяло. Матрас оказался удивительно удобным. Голова утонула в подушке. И я неожиданно поймала себя на мысли, что начинаю привыкать к этому месту. К дому. Я закрыла глаза и почти сразу подумала о нём.

Без этого уже почему-то не получалось. Но сегодня воспоминание пришло другим.

Спокойным, без той острой тоски, которая ещё недавно скручивала меня изнутри.

Я вспомнила его лицо, взгляд, голос. И неожиданно поняла, что больше не злюсь.

Ни на него, ни на себя. Наверное, я всё равно поступила правильно. Потому что остаться тогда означало бы заставить его выбирать между мной и его миром. Я тяжело вздохнула и перевернулась на другой бок. Где-то наверху снова скрипнула половица. Кто-то тихо кашлянул. И засыпая, мелькнула неожиданная мысль. Мне очень хотелось верить, что где бы он сейчас ни был, у него тоже всё хорошо.

Утром за столом было неожиданно спокойно. Бахо разлил по кружкам чай, Егор нарезал остатки лепёшки, а я сидела, обхватив ладонями горячую кружку, и пыталась окончательно проснуться.

— Ну? — первой не выдержала Света. — Как ночь?

— Скучно, — ответил Миша.

— Это хорошо или плохо?

— Это прекрасно.

Все тихо усмехнулись.

— Правда ничего? — уточнила Алина.

— Вообще ничего, — кивнул Бахо. — Ни огней, разговоров или движения.

— Может, они правда просто переночевать решили.

— Может.

Но по его тону было понятно, что сам он в это особо не верит. После завтрака каждый занялся своими делами. Кто-то таскал дрова. Кто-то разбирал припасы. Я вместе с Егором полезла в сарай за домом смотреть, что вообще там осталось полезного. Внутри пахло старым деревом, пылью и сыростью. Под потолком висела паутина. В углу нашлись какие-то ржавые инструменты, несколько вёдер и старая садовая тачка.

— Смотри, — Егор поднял топор. — Ещё живой.

— Ну хоть что-то.

Я уже собиралась ответить что-то ещё, когда услышала мужские голоса совсем рядом.

— Блин.

— Что?

— Опять пришли.

Егор выглянул наружу первым. Я выглянула следом. Возле калитки стояли двое.

Один вчерашний бурят лет сорока, второй по моложе лет тридцати. Именно тот самый, который вчера слишком внимательно меня разглядывал. Он и сейчас так же неприятно смотрел.

— Доброе утро, соседи, — широко улыбнулся старший.

Егор даже не улыбнулся в ответ.

— Доброе.

— Не помешали?

— Пока нет.

Мужик словно не заметил холодного тона.

— Да мы просто поговорить решили зайти. Людей сейчас редко встретишь.

Он обвёл взглядом двор, дом, сарай, сложенные дрова, даже тележку возле стены.

— Осваиваетесь?

— Осваиваемся.

— Хорошее место нашли.

— Нам нравится.

— Да и нам нравится. Вот только у вас дом получше оказался.

Он усмехнулся, будто пошутил, но мне стало неприятно. Молодой продолжал молчать.

Только смотрел, то на меня, то на окна. Словно что-то напоминал.

— Вы надолго здесь? — спросил старший.

— Пока не решили.

— А мы дальше собирались идти на бурятскую сторону, говорят, там людей больше.

— Удачи.

— Спасибо.

Повисла натянутая короткая пауза. Мужик словно чего-то ждал, а потом улыбнулся ещё шире.

— Не подумайте плохого, мы просто по-человечески. Сейчас ведь поговорить даже не с кем.

Я поймала взгляд Егора. Он думал ровно о том же, о чём и я. Если человек три раза подряд говорит, что он пришёл мирно — значит, он пришёл совсем не мирно.

Просто ещё не решил, когда именно перестанет притворяться.

— Ладно, мужики, нам работать надо.

Егор сказал это уже без всякой вежливости. Тот, что постарше, сразу поднял ладони.

— Да без проблем, мы ж не мешаем. Просто познакомиться зашли.

Мне не понравились их слишком широко натянутые улыбки. Через пару минут калитка закрылась за их спинами. Я ещё какое-то время смотрела им вслед.

Пока они не скрылись между домами.

— Противные какие, — пробормотала я.

Егор хмыкнул.

— Вот об этом я тебе и говорил ещё на Шадан-голе.

Я посмотрела на него.

— О чём?

— Иногда вампиры — не самая большая проблема.

Я невесело усмехнулась.

— Да. Кажется, начинаю понимать.

— Они голодные.

— Мы тоже голодные.

— Я сейчас не про еду.

От этих слов мне стало ещё неприятнее. Я снова вспомнила взгляды. Особенно того молодого, будто раздевал глазами прямо посреди двора.

— Думаешь, полезут?

Егор пожал плечами.

— Не знаю.

— Но готовиться надо так, будто полезут.

Я вздохнула.

— Может, всё-таки уйдут дальше.

— Может.

Он помолчал, а потом добавил:

— А может, наоборот решили, что нашли место поудобнее.

- Блин, тут хоть трёхметровый забор строй, лишь бы никто не лез.
Егор усмехнулся.
— Забор построим.
— Ага.
— Только сначала переживём соседей.

К вечеру заметно похолодало. Ещё неделю назад я спокойно выходила на улицу в одной кофте, а сейчас уже невольно куталась в куртку и грела ладони о кружку с горячим чаем. Осень подкралась как-то слишком быстро. Солнце медленно сползало за горы. Байкал темнел, вода из ярко-синей постепенно становилась свинцовой, тяжёлой, почти чёрной. Я стояла на крыльце, прислонившись плечом к деревянному столбу, и смотрела на озеро. Красиво. Но взгляд всё равно то и дело уходил в сторону соседнего дома. Иногда оттуда доносился хохот, крики, кто-то громко выругался. Потом снова раздался громкий смех.

- Бухают, — заметила вышедшая на крыльцо Света.
— Ага.
— С самого обеда, по-моему.

Я только кивнула. Оттуда снова что-то заорали, настолько громко, что даже сидевшие во дворе Егор с Мишей одновременно повернули головы.

- Хорошо гуляют.
— Главное, чтобы подальше от нас.

Света ничего не ответила. Потому что мы обе понимали — подальше от нас они вряд ли собираются.

В доме вкусно пахло едой. Вчерашнего зайца доели ещё утром. Сегодня сварили бульон, в него отправились грибы, которые Света набрала возле ручья, горсть крупы и остатки сушёной зелени. Получилось неожиданно вкусно, что кастрюлю почти сразу выскребли до дна. После ужина все немного расслабились. Даже напряжение последних суток будто стало отпускать.

Мы сидели за столом и о чём-то разговаривали. Спорили, можно ли уже завтра попробовать поставить сети на реке. Смеялись над тем, как Миша умудрился зацепиться штанами за гвоздь и чуть не свалился в воду. И именно в этот момент в дверь не громко постучали, но так неожиданно, что разговор оборвался мгновенно.

- Тук.
Тук.
Тук.

Глава 5

Стук повторился. В доме стало настолько тихо, что я слышала, как где-то в печке треснуло полено. Мы переглянулись. Егор медленно поднялся из-за стола, Бахо уже стоял на ногах. Вадим незаметно потянулся к ружью, прислонённому возле стены. А за дверью кто-то весело крикнул:

- Эй, соседи!
Голос был пьяный.
— Открывайте! Мы с подарком пришли.

Я почувствовала, как внутри всё неприятно сжалось. Насколько сильно, что даже дышать стало тяжелее. Стук в дверь ещё не успел затихнуть, а я уже знала ничего хорошего за ним нет. Бахо открыл дверь. На крыльце стояли четверо. От них даже на расстоянии тянуло перегаром. У одного в руке болталась почти пустая бутылка. Второй держал под мышкой ещё одну.

— Ну чего вы такие серьёзные? — широко улыбнулся тот самый старший. — Мы тут клад нашли.

— Поздравляем, — сухо ответил Бахо.

— Да ладно тебе, мы же по-соседски, поделиться пришли.

Он поднял бутылку.

— Хорошая вещь, особенно сейчас.

Миша даже с места не поднялся.

— Спасибо. Мы не пьём.

— Совсем?

— Совсем.

Мужики переглянулись, словно услышали какую-то шутку.

— Не пьёте?

— Вы больные, что ли?

Кто-то громко заржал. Я стояла чуть позади ребят и чувствовала, как начинают дрожать руки. Так бывало раньше, когда ещё до всего этого мира в новостях показывали очередную историю про компанию пьяных мужиков и какую-нибудь девчонку, которой просто не повезло оказаться рядом. Самое мерзкое было в том, что они улыбались. Будто всё нормально, но внутри меня уже всё орало об опасности.

— Да бросьте вы, — махнул рукой один из них. — По стопочке-то можно.

— Нельзя, — ответил Егор.

— Почему?

— Потому что не хотим.

— Да чего вы как дети? Мы же с добром пришли, людей встретили наконец. А вы сидите тут как волки.

— Нам и так хорошо.

Улыбка с лица старшего начала медленно исчезать.

— Ну хорошо. Не хотите пить не пейте.

Он перевёл взгляд внутрь дома и вдруг увидел меня. Сердце неприятно провалилось куда-то вниз, потому что улыбнулся он сразу шире.

— А девчонки чего молчат?

— Может, девчонки хотят повеселиться? У нас там гитара, музыка, весело. Айда к нам.

Он сказал это таким тоном, будто уже решил за нас. Я невольно шагнула назад.

Но он это заметил и мне показалось, что заметил с удовольствием.

— Девчонки останутся здесь, — спокойно сказал Бахо.

— Да мы ж просто приглашаем.

— Они сами решат.

— Они уже решили.

Голос Бахо настолько стал жёстче, что даже мне захотелось отойти подальше.

Повисла тяжелая пауза. Один из мужиков хмыкнул, потом сделал шаг вперёд. И я увидела, как напрягся Егор.

— Мужики, — сказал он спокойно. — Вам пора.

— Выгоняешь нас?

— Пока ещё вежливо прошу уйти.

— Пока ещё?

Егор ничего не ответил. Именно это, кажется, понравилось им меньше всего, потому что весёлые улыбки окончательно исчезли. Они постояли ещё несколько секунд. Смотрели на нас, на дом, словно что-то запоминали. А потом старший медленно кивнул.

— Ладно, не хотите, как хотите.

— Соседи так соседи, — добавил другой.

Они развернулись и пошли к своему дому. Только уже без смеха и шуток. Я дождалась, пока за ними закроется калитка. И только тогда поняла, что всё это время почти не дышала.

— Блядь, — тихо сказала Света.

— Вот именно, — ответил Миша.

После ухода незваных гостей разговор как-то сам собой затих. Даже Света, которая обычно первой пыталась разрядить обстановку, сидела молча и ковыряла ложкой остатки супа.

— Сегодня дежурим все, — наконец сказал Бахо.

Свечи решили не жечь. Зря переводить их никто не хотел. Тем более что спать всё равно собирались вполглаза. К тому моменту, когда мы разошлись по комнатам, за окнами уже стояла настоящая осенняя ночь. Байкал сегодня не сделал нам подарка. Небо затянуло тяжёлыми облаками, луны не было, звёзд тоже. За окнами висела такая темнота, что казалось — выйди сейчас на улицу и не увидишь собственных рук.

Я долго ворочалась. Сначала лежала на спине, потом на боку, потом снова перевернулась. Сон не шёл. В голове крутились лица, пьяные улыбки, взгляды, слова. Почему-то именно сейчас мне было страшнее, чем тогда, когда я впервые увидела вампира. Наверное, потому, что от чудовища хотя бы знаешь, чего ждать.

А люди... Люди умеют удивлять.

Когда всё-таки уснула, мне показалось, что прошло всего несколько минут. Я проснулась от того, что кто-то осторожно тряс меня за плечо. Резко распахнула глаза. В комнате было настолько темно, что первое мгновение я вообще ничего не увидела. Только чей-то силуэт рядом. Я дёрнулась.

— Тихо.

Проговорил почти шёпотом Миша и приложил палец к губам. Сердце ухнуло куда-то вниз. Сон исчез мгновенно. Я медленно села на кровати. Где-то рядом уже копошились Света с Алиной. Снизу донёсся приглушённый голос Бахо. Насколько тихий, что слов было не разобрать. Зато по интонации сразу стало понятно происходит что-то очень нехорошее. Я почувствовала, как внутри всё начинает медленно холодеть. До тошноты и дрожи, до противного ощущения под рёбрами.

Я нащупала куртку. Пальцы дрожали так сильно, что с первого раза не попала в рукав. За окном что-то шуршало. Кто-то ходил вокруг дома, словно специально показывал, что они здесь. Я услышала тихий мат со стороны первого этажа, потом голос Егора:

— Справа ещё двое.

И у меня внутри всё окончательно оборвалось. Их было много, скорее всего, пришли все.

— Блядь...

Едва слышно выдохнула Света. Снаружи раздался чей-то пьяный смешок. Потом второй. Третий. Они даже не пытались говорить тихо.

— Ребятки-и-и...

Протянул кто-то за окном.

— Вы чего не спите?

Ещё смешок. Потом другой голос:

— Выходите поговорить, чего как неродные-то?

Внизу кто-то медленно передёрнул затвор. Я стояла посреди комнаты и понимала, что почти ничего не вижу. Дом, лестница, лица, всё тонуло в густой темноте. Ни луны, ни звёзд, только чёрные провалы окон. И голоса, от которых становилось только страшнее.

— Девчо-о-онки...

Снова протянул кто-то снаружи.

— Вы чего там прячетесь?

— Выходите, мы же познакомиться пришли.

По спине пробежал такой сильный холод, что меня едва не передёрнуло. А потом кто-то снаружи вдруг ударил по двери дома. Так громко, что вздрогнули все и уже другим голосом рявкнул:

— Да открывайте уже, блядь!

На первом этаже резко заскрипел пол. Кто-то из ребят шагнул к двери. И в следующую секунду за окном началась настоящая возня. Крики. Мат. Чьи-то быстрые шаги. Будто несколько человек одновременно рванули к дому. Что-то на первом этаже грохнуло так, что у меня сердце подпрыгнуло к самому горлу. Я схватила лук. Пальцы едва слушались. Рядом стояла Света с ружьём и её трясло ещё сильнее. Ствол ходил из стороны в сторону.

В этот момент я вдруг поняла одну простую вещь. Если сейчас начнётся драка — никто из нас не знает, что делать. Мы не солдаты, не спецназ и не герои. Семеро перепуганных людей, которые просто хотят жить. Снизу раздался звон стекла и следом чей-то крик:

— Окно!

— Бахо!

Потом мат. Глухой удар. Ещё один. И ещё. Я дёрнулась к лестнице. В голове вспыхнула совершенно идиотская мысль. Лучше бы я осталась в зимовье, сидела там одна и ждала своего вампира. Господи. Даже Реард никогда не вызывал во мне такого животного ужаса, как эти люди. В этот момент что-то тяжёлое с грохотом рухнуло на первом этаже. Следом раздался вопль. Кто-то заорал так, что кровь застыла в жилах. Я сорвалась вниз, практически ничего не видя. Темнота была такой плотной, будто её можно было потрогать руками. Только какие-то силуэты, тени и не понятно, где свои, а где чужие. Кто-то сцепился возле окна, кто-то матерился, кто-то орал.

Я увидела большую фигуру, которая лезла внутрь через разбитую раму. Не помню, как наложила стрелу, как натянула тетиву. Помню только одну мысль. Если сейчас остановлюсь — нас убьют. Тетива ударила по пальцам, стрела исчезла в темноте. Через секунду раздался хриплый вопль, такой, что меня будто ледяной водой облили. Фигура исчезла из окна.

— Сука! Он меня подстрелил!

Это была я. Я только что выстрелила в человека. Следом раздался глухой удар, будто кто-то кубарем скатился с крыльца, но облегчения не наступило. На первом этаже по-прежнему шла драка. С матом, с грохотом мебели и звуками ударов. Кто-то врезался в стену так, что задребезжали стёкла. Кто-то захрипел. Кто-то выругался так зло, что у меня внутри всё сжалось. Я стояла на лестнице, вцепившись в лук так сильно, что пальцы онемели. Ни черта не было видно. Только какие-то тени метались внизу.

Свой.

Чужой.

Свой.

Чужой.

Попробуй разбери. Потом грянул оглушительный выстрел. В замкнутом пространстве дома звук ударил по ушам так, что я невольно пригнулась. На секунду всё словно замерло. И почти сразу второй, только ещё громче. Кто-то коротко вскрикнул от боли. Я почувствовала, как по позвоночнику прокатился ледяной холод. А потом всё резко закончилось. Снаружи слышались крики.

— Валим!

— Быстро!

— Уходим нахрен!

Топот, мат, треск веток. И снова тишина. Тяжёлое дыхание и чей-то рваный стон разрезал тишину. Никто не двигался несколько секунд. Потом снизу раздался голос Бахо:

— Все живы?

Никто не ответил.

— Все?!

— Здесь...

— Я здесь...

— Нормально...

Голоса звучали хрипло и глухо. Я ватными ногами начала спускаться по лестнице. Внизу пахло порохом, кровью и пылью. Под подошвой хрустнуло стекло. Кто-то зажёл зажигалку. Крохотный огонёк качнулся в темноте. И первое, что я увидела — тело возле окна. Один из нападавших лежал на спине, нелепо вывернув руку и не двигался. Под ним медленно расплзлось тёмное пятно. У меня внутри всё оборвалось. Потому что чуть дальше, возле перевернутого стола, сидел Егор. Вернее, пытался сидеть. Одной рукой он держался за ножку стола, вторая была прижата к бедру и между пальцами сочилась кровь.

— Блядь..., — только и выдохнул Миша.

А Егор вдруг криво усмехнулся:

— Ну чего вы уставились...

И тут же скривился от боли.

— Кажется... меня всё-таки зацепило.

Глава 6

Свечей зажгли столько, сколько смогли найти. Жёлтый дрожащий свет вырвал из темноты разбросанную мебель, следы грязи на полу, перевернутый табурет и лежащего у стены Егора. У меня внутри всё оборвалось. Штанина была мокрой от тёмной крови. Она уже пропитала ткань почти до колена и продолжала медленно расплзаться по полу. На несколько секунд все просто замерли, не понимая, что делать. Егор сидел, привалившись к стене, тяжело дышал и сжимал зубы так сильно, что на скулах ходили желваки.

— Не стойте! — сорвалось у меня. — Аптечку сюда! Быстро! И фонарь найдите нормальный!

Голос прозвучал резко чужим. Меня саму трясло так, что зубы стучали. Но если сейчас не соберётся — мы его потеряем.

— Бахо, выше раны перетяни! Выше!

— Уже делаю.

Он рухнул рядом на колени. Миша рванул к рюкзакам. Света дрожащими руками зажигала новые свечи. У неё слёзы текли по щекам, которых она даже не замечала.

— Воду! — крикнула я.

— Сейчас!

Алина сорвалась на кухню. Егор вдруг криво усмехнулся.

— Бля... — прохрипел он. — Вот ведь говорил же... отпуск без приключений не получится...

— Заткнись, — выдохнула я.

— А что? Нормально отдыхаем...

— Заткнись, Егор.

Он снова попытался улыбнуться. И в следующий момент лицо его побелело настолько резко, что мне стало страшнее. Бахо затянул полотенце. Егор заорал так, что у меня внутри всё перевернулось.

— Терпи!

— Да пошёл ты...

— Терпи!

Миша наконец притащил аптечку. Мы вывалили всё содержимое прямо на пол.

Бинты, салфетки, антисептик, какие-то таблетки. Всё вперемешку. Лишь бы быстрее остановить кровь. Бахо разрезал штанину ножом. Ткань разошлась и стало видно рану.

— Господи...

В ногу вошла дробь. Не вся кучно, часть прошла по касательной, но несколько дробинок сидели глубоко под кожей. Кровь продолжала сочиться.

— Он жить будет? — тихо спросила Алина.

Никто не ответил. Я плеснула антисептик прямо на рану. Егор дёрнулся всем телом. Я стояла на коленях рядом с его ногой и смотрела на пропитанную кровью ткань. На полотенце, которым Бахо перетянул ногу выше ранения. На тёмные пятна, которые всё равно продолжали проступать сквозь ткань. И заставляла себя не думать.

— Фонарь ближе держи, — сказала я.

Света послушно поднесла фонарь. Луч дрожал так сильно, что вместе с ним дрожала вся комната.

— Света, спокойно.

— Я спокойна.

Бахо осторожно разрезал штанину ещё выше. Егор зашипел сквозь зубы.

— Твою мать...

Рана выглядела плохо. Кожа вокруг уже начала наливаться багровым. В нескольких местах виднелись маленькие тёмные отверстия.

— Вижу одну, — тихо сказал Вадим.

— Пинцет.

Кто-то тут же сунул мне его в руку. Я даже не посмотрела кто. Пальцы будто сами работали, словно были не мои. Только не думать, только не паниковать, только не разреваться! Я наклонилась ближе, поймала свет и увидела металлический блеск. Егор резко втянул воздух.

— Больно?

— Да не, блин. Щекотно.

— Заткнись.

Он всё-таки улыбнулся, а потом заорал... Дробина наконец вышла, маленький тёмный шарик упал на деревянный пол. Звук получился неожиданно громким. Тук.

Все одновременно посмотрели на него. Будто это была не дробина, а сама смерть, которую только что удалось вытащить наружу.

— Ещё есть, — сказал Бахо.

Я кивнула и снова потянулась к ране. Вторая дробина сидела глубже. Маленькая тёмная точка среди разорванной плоти. Но пинцет до неё не доставал.

— Блин...

— Что? — тут же спросил Вадим.

— Глубоко.

Егор криво усмехнулся.

— Ну полезай тогда руками.

— Ещё слово скажешь, я тебе сама вторую ногу прострелю.

— Вот это я понимаю, медицинская поддержка.

Несмотря на шутку, голос у него был уже совсем слабый. Он побледнел ещё сильнее, на лбу выступил пот. Я протянула руку.

— Воды.

Мне тут же сунули кружку.

— Егор.

— А?

— Не отключайся.

— Постараюсь.

— Я серьёзно.

Он посмотрел на меня мутными глазами и перестал улыбаться. Кажется, до него наконец дошло, насколько всё плохо. Бахо молча взял бутылку с антисептиком.

— Сейчас будет больно.

— Спасибо, успокоил.

Егор только выдохнул. Антисептик полился прямо в рану. Крик получился такой, что у меня внутри всё сжалось. Света всхлипнула за моей спиной, Алина отвернулась, Вадим тихо выругался. А Егор матерился так вдохновенно, что, наверное, если бы сейчас его слышали те мужики, они бы аплодировали стоя.

— Держите его.

Бахо и Вадим тут же прижали его за плечи.

— Вы охренели?!

— Терпи.

— Да пошли вы...

Я снова наклонилась над раной. Руки были в крови. Пинцет наконец зацепился за что-то твёрдое.

— Есть.

— Тащи, — выдохнул Бахо.

Я потянула. Егор заорал. Дёрнулся так резко, что чуть не вырвался из рук, но дробина вышла. Потом ещё одна. И ещё. Маленькие тёмные шарики один за другим падали на пол. Каждый раз казалось, что вот сейчас последняя и находилась следующая. В какой-то момент я уже перестала чувствовать спину и колени. Весь мир сузился до круга света от фонаря и этой проклятой раны. Пока наконец Бахо не сказал:

— Всё.

Я замерла.

— Уверен?

Он внимательно осмотрел ногу. Потом осторожно провёл пальцами вокруг раны.

— Больше не вижу.

Только тогда я поняла, что всё это время задерживала дыхание. Воздух вырвался из груди сам собой. Егор откинулся к стене и закрыл глаза.

— Я живой?

— К сожалению, — ответил Вадим.

— Заткнись.

Света нервно хихикнула. И только тогда до меня наконец начало доходить.

Он действительно жив.

К тому моменту, когда с ногой Егора наконец закончили, мне казалось, что прошла целая вечность. На самом деле — может, час, может, меньше, может, больше.

Кто-то таскал воду из колодца, кто-то рвал старые простыни на бинты, кто-то держал фонарь, кто-то вытирал кровь с пола. Я уже не понимала, кто именно что делает. Все двигались как единый организм.

Кровь удалось остановить не сразу. Ледяная вода, тряпки, давление на рану, сделали своё дело. Потом антибиотики, обезболивающее и бинты. Столько бинтов, что нога Егора стала похожа на какой-то нелепый белый кокон.

— Вы меня решили убить таблетками раньше, чем эти придурки? — прохрипел он.

Света тут же ткнула его кулаком в плечо.

— Заткнись.

— Вот видишь, — простонал Егор. — Насилие в семье.

— Ещё слово — и я тебе вторую ногу сломаю.

— Понял.

И только после этого он наконец затих. Бледный, весь мокрый от пота, но живой.

Я медленно опустилась на пол рядом со стеной. Руки дрожали так сильно, что я наконец это заметила. Адреналин начал отпускать и вместе с ним пришла усталость. Такая, что хотелось просто лечь прямо здесь на грязный пол, закрыть глаза и уснуть. Фонарь лежал на полу. Его кто-то случайно задел ногой. Луч света качнулся по стене, потом по полу и скользнул дальше. Все одновременно повернули головы. Наступила тяжёлая тишина. Потому что в углу по-прежнему лежало чужое тело. Тёмное пятно крови уже расплзлось под ним по половицам. Потом Миша тяжело выдохнул:

— Блядь...

На полу лежал мёртвый человек. И убили его мы. Егор медленно повернул голову посмотрел на тело. Потом на нас и хрипло спросил:

— Ну...

Он сглотнул.

— И что теперь с этим делать?

Никто не ответил. Потому что ответа действительно никто не знал. Свечи потрескивали, где-то за стенами дома выл ветер. Вадим посмотрел на тело, потом на окно и перевёл взгляд на дверь.

— Думаете, они придут ещё раз?

Я первая нарушила тишину.

— Придут.

Голос прозвучал неожиданно хрипло. Все посмотрели на меня.

— Почему ты так думаешь?

— Потому что они пьяные.

Я облизнула пересохшие губы.

— Потому что один из них мёртв. И потому что они считают, что нас больше не испугаются.

Вадим медленно кивнул.

— Да-а-а. Я бы тоже пришёл.

— Спасибо, успокоил, — мрачно сказал Миша.

Бахо присел на корточки возле тела и несколько секунд смотрел на него.

— Их было сколько?

— Девять, кажется.

— Восемь или девять.

— Один здесь. Значит минимум семеро осталось.

Семеро. Даже если половина из них сейчас валяется пьяная или кто-то ранен.

Их всё равно больше. Егор тихо выругался.

— Замечательно.

— Ты лежи давай, герой.

— Да лежу я.

Он закрыл глаза, потом вдруг снова открыл.

— Кстати.

Все посмотрели на него.

— А кто там орал про то, что его подстрелили?

У меня внутри всё неприятно сжалось.

Вот же чёрт.

Несколько секунд я молчала, потом подняла руку.

— Наверное... Это была я... Я попала.

Наступила тишина.

— Ты попала? Из лука? В темноте?

Я пожала плечами.

— Ну... Я стреляла в окно. Потом кто-то заорал и выпал наружу. Миша несколько секунд смотрел на меня, потом покачал головой.

— Охренеть.

— Я сама охренела.

Бахо поднялся. Его голос снова стал собранным и деловым.

— Значит слушаем внимательно.

Он обвёл нас взглядом.

— Первое. Сегодня никто не спит. Второе. Если они вернутся — стреляем сразу без разговоров и предупреждений. Третье...

Он посмотрел на тело.

— От этого надо избавиться.

Света побледнела ещё сильнее.

— Как?

— Заворачиваем в одеяло и уносим подальше от дома.

Снаружи снова завыл ветер. Мне вдруг показалось, что за окном кто-то стоит.

Смотрит, наблюдает, ждёт. Я резко повернула голову в темноту. Это только темнота, но ощущение что сейчас на нас опять нападут, осталось.

Я держала кружку обеими руками и смотрела на Байкал. Вода потемнела ещё сильнее. Солнце уже почти коснулось дальних сопok, окрашивая низкие облака в тускло-оранжевый цвет. День выдался холоднее вчерашнего. Ветер сменился. Он больше не налетал резкими порывами, а тянулся с озера ровной ледяной струёй, пробирая даже через куртку. Я невольно перевела взгляд на дом вдалеке. За сутки там ни разу не мелькнул свет. Никто не выходил на крыльцо. Из трубы не поднимался дым. Пустые окна смотрели на берег чёрными провалами.

Наверное, если бы они вернулись сразу, было бы проще. А сейчас внутри поселилось мерзкое чувство ожидания. словно ты знаешь, что беда где-то рядом, просто ещё не решила, когда именно прийти за тобой. Я сделала глоток уже остывшего чая. Руки всё ещё иногда начинали дрожать сами по себе. Особенно если в голове всплывала прошлая ночь. За забором по-прежнему лежало тело.

Мы вынесли его ещё утром. Завернули в старое одеяло и оттащили подальше от дома. Никто не хотел смотреть на него лишний раз, но и закапывать сразу тоже не решились. скрипнула дверь. Я обернулась, а на крыльцо вышел Бахо. В руках у него была пустая кастрюля.

— Как Егор? — спросила я.

Он устало потёр лицо.

— Тридцать семь с лишним.

Я молча кивнула. Нога выглядела плохо. Когда мы меняли повязку днём, кожа вокруг ран была красной и горячей, всё опухло. словно внутри кто-то развёл костёр. Но никто из нас не знал, нормально это или нет. Никто никогда не получал огнестрельных ранений, не вытаскивал дробь из живого человека. Мы просто делали всё, что могли и надеялись, что этого окажется достаточно. Бахо поставил кастрюлю возле стены и тоже посмотрел в сторону злосчастного дома.

— Как думаешь, они придут? — наконец спросил он.

Я слишком быстро ответила:

— Да.

Потом подумала и добавила:

— Не знаю.

Потому что это была правда. Если бы они собирались мстить, то почему не пришли ночью? Почему не пришли утром? Почему не пришли днём? Почему вообще ничего не происходит? Бахо сплюнул в сторону.

— Мне это не нравится.

— Мне тоже.

Он ещё немного посмотрел на дом потом тихо сказал:

— С трупом завтра что-то решать надо.

Я снова перевела взгляд на Байкал. Солнце окончательно спряталось за сопками и стало ещё холоднее.

Уснуть снова не получилось. Я лежала, закрыв глаза, слушала, как потрескивают доски дома, как ветер царапает стену снаружи, как Света ворочается на соседней кровати. Но сон не шёл. Стоило закрыть глаза, как снова вспыхивала вчерашняя ночь. Выстрел. Кровь. Крик. Лицо Егора, ставшее белым как мел. Я тихо поднялась с кровати, натянула куртку и вышла в коридор. В доме горела всего одна свеча. Её тусклого света едва хватало, чтобы различать стены. На первом этаже сидел Бахо, ружьё лежало у него на коленях. Он смотрел в окно и не повернулся, когда услышал мои шаги.

— Не спится? — спросил он тихо.

— Угу.

Я остановилась рядом. За стеклом была сплошная чернота. Ни луны или звёзд, только Байкал где-то там, за этой темнотой. Несколько секунд мы молчали потом он вдруг сказал:

— А знаешь, я тобой впечатлён.

Я повернула голову.

— Чем именно?

— Всем.

Я фыркнула.

— Очень содержательно.

Он усмехнулся, потом стал серьёзным.

— Нет, правда. Ты вчера выстрелила.

— И что?

— В человека.

Я ничего не ответила, потому что сама старалась об этом не думать.

— А потом, — продолжил он, — когда Егора ранило...

Он покачал головой.

— Все стояли как пришибленные. Светка ревела, Алина вообще ничего не понимала.

А ты...

Он посмотрел на меня.

— Аптечка. Вода. Бинты. Таблетки. Доставайте дробь. Перевязывайте. Делайте это. Делайте то.

Я невольно усмехнулась.

— Кто-то же должен был.

— Вот именно.

Бахо ткнул пальцем в мою сторону.

— Кто-то должен был, а ты взяла и сделала.

Я отвела взгляд. Мне вдруг стало очень неловко.

— Я, кстати, беру свои слова обратно.

— Какие именно?

— Ну...

Он почесал затылок.

— Те, которые говорил тебе на Шадан-Голе.
Я сразу поняла, о чём он.
— Про то, что я дура?
— Ага.
— Очень мило.
— Ну извини.
Он даже руки поднял.
— Ошибся. Я тогда думал, что ты просто городская девчонка, которая вечно лезет куда не надо и пытается из себя что-то строить.
Я хмыкнула и закатила глаза. Бахо продолжил:
— А сейчас вижу, что ошибался.
Он пожал плечами.
— Ты очень смелая.
Я несколько секунд молчала. В темноте было легче, не видно ни лиц, ни взглядов, только голоса.
— Бахо, меня так трясло, что я думала, меня прямо там вырвет.
Он помолчал, потом неожиданно хмыкнул.
— Да меня самого ненамного меньше трясло.
Я посмотрела на него.
— Серьёзно?
— Серьёзно.
Он пожал плечами.
— Думаешь, я там такой герой стоял? Да хрен там.
За окном снова завыл ветер. Дом тихо поскрипывал. Мы оба невольно посмотрели в сторону дома.
— Как думаешь, они ушли? — спросила я.
Бахо долго молчал.
— Не знаю.
Потом вздохнул.
— Но, может быть, протрезвели.
Он покрутил в руках ружьё.
— Может, поняли, что натворили. Может, увидели своего друга. Может, решили, что оно того не стоит.
Я ещё немного посмотрела в темноту. Очень хотелось ему поверить.
— Я бы хотела, чтобы ты оказался прав.
— Я тоже.
Некоторое время мы молчали.
— А если нет?
Бахо повернул голову.
— Тогда будем разбираться.
— Или нам придётся их убить.
Слова прозвучали настолько пафосно, что я сама поморщилась. Бахо несколько секунд смотрел на меня, а потом тихо рассмеялся.
— Прозвучало так, будто ты сейчас из какого-то фильма про супергероев вышла.
Я закатила глаза и тоже улыбнулась.
— Иди спать, супергерой, — кивнул в сторону лестницы.
— Не хочу.
— А я не спрашиваю.
Он снова посмотрел в окно. Улыбка постепенно исчезла с его лица.

- Если что-то пойдёт не так, мы сразу увидим.
- Я тоже посмотрела в темноту, потом медленно кивнула.
- Ладно.
- Иди отдыхай.
- Спокойной ночи.
- Ага.

Глава 7

Меня разбудил какой-то не громкий шум. Словно кто-то внизу что-то уронил. Я открыла глаза и несколько секунд просто лежала, пытаюсь понять, что происходит.

Потом хлопнула дверь. Где-то внизу кто-то громко выругался, а меня будто током ударило.

Они вернулись!

Я резко села на кровати. Сердце сразу заколотилось где-то в горле. В комнате было уже не темно. Снаружи начинал просачиваться тусклый серый рассвет. Рядом со своей кроватью стояла Света. Такая же растрёпанная и ничего не понимающая.

— Что происходит? — шёпотом спросила она.

— Не знаю.

Я уже схватила лук. В коридоре кто-то пробежал. Послышались быстрые шаги по лестнице потом снизу раздался крик:

— Дрезина!

Я замерла, не сразу понимая смысл слова. А потом прислушалась. Где-то снаружи что-то тарахтело.

— Твою мать...

Я даже не стала ничего спрашивать. Натянула ботинки прямо на ходу и вылетела из комнаты. По лестнице я практически слетела, внизу уже толпились ребята. Кто-то держал ружьё. Кто-то просто стоял спросонья и пытался понять, что происходит. Я выскочила на улицу. Холодный утренний воздух сразу ударил в лицо. И именно в этот момент услышала тарахтение мотора. Потом металлический лязг колёс. Потом эхо, потому что дрезина уже вошла в туннель.

Звук прокатился по всему распадку и начал затихать. Мы стояли молча и слушали. Пока окончательно не стало тихо. Бахо первым нарушил молчание.

— Ну вот.

Он зло сплюнул в сторону.

— Всё-таки обнесли нас.

Они не рискнули лезть в дом второй раз, просто дождались удобного момента. Мы ещё какое-то время стояли возле путей, всматриваясь в серый рассвет. Будто дрезина могла вдруг вернуться обратно. В конце концов холод загнал нас в дом.

Внутри пахло свечами, лекарствами и кровью. Егор лежал на диване и делал вид, что спит. Я заметила это по тому, как он морщился каждый раз, когда кто-нибудь проходил мимо. Было видно, что нога болела.

— Как ты? — спросила я.

— Как человек, в которого стреляли.

— Жить будешь.

— Очень на это рассчитываю.

Началась обычная жизнь. Разожгли печку, поставили чайник, достали крупы, консервы. Кто-то нарезал лепёшки, кто-то таскал воду, кто-то проверял оружие. Словно вчерашней ночи и не было и не лежал сейчас за забором мёртвый человек. Я сидела с кружкой горячего чая и

смотрела в окно. Солнце ещё не поднялось над сопками, но Байкал уже начал светлеть. Спокойный. Совершенно равнодушный ко всему, что происходило вокруг.

— После завтрака надо сходить к дому, — сказал Бахо. Проверим, ушли они или нет.

— А если не ушли? — тихо спросила Света.

— Тогда будем думать.

Ответ прозвучал слишком спокойно. Никто из нас понятия не имел, что делать, если они действительно остались. Повисло молчание, потом Вадим кивнул в сторону окна.

— И трупом надо заняться.

— Закопаем сегодня же, — сказал Бахо. — Иначе завоняет или зверьё какое-нибудь притянет, нам только медведя сейчас не хватало.

Я невольно поёжилась. Перед глазами сразу вспыхнула старая картинка. Тёмная туша, поднявшаяся на задние лапы и ощущение собственного бессилия. Нет, медведя нам точно не надо.

После завтрака мы быстро собрались. Егор ожидаемо остался в доме. Он пытался спорить, уверяя, что чувствует себя уже намного лучше и способен хотя бы дойти до соседнего участка, но после того, как попытался подняться и побледнел так, что даже Бахо перестал шутить, спор закончился сам собой.

Со Светой они остались вдвоём.

Утро оказалось прохладным. Небо над озером было высоким, чистым, прозрачным, но ветер тянул с воды сыростью и заставлял время от времени прятать руки в карманы. Я застегнула куртку до самого подбородка и невольно остановилась на тропинке. Байкал был спокойный и совершенно равнодушный к нашим проблемам. Тёмно-синяя вода уходила куда-то за горизонт, а над дальними сопками уже золотились верхушки деревьев. Осень только начинала вступать в свои права. Где-то листья ещё оставались зелёными, а где-то уже вспыхивали жёлтыми пятнами. Красиво. Настолько красиво, что становилось даже обидно. Будто мир специально издевался, показывая, каким он может быть.

Мы молча вышли к железной дороге. Туннель встретил нас привычной прохладой и запахом сырого камня. Я автоматически посмотрела в него, хотя прекрасно знала, что увижу пустоту. Несколько секунд я просто стояла, глядя в чёрный провал туннеля и рельсы, уходящие в черноту.

— Всё-таки угнали, сволочи, — я тяжело выдохнула.

— А ты надеялась, что они её обратно поставят? — заржал Вадим.

Бахо только махнул рукой.

— Хватит уже по ней плакать. Всё равно не вернётся.

Он сказал это спокойно, но я заметила, как сам бросил взгляд в сторону туннеля.

До дома добрались минут за пять. Дверь оказалась распахнута настежь. Я ещё на пороге почувствовала запах. Перегар, кровь, грязь. Внутри всё выглядело так, будто по дому прошёлся небольшой ураган. По полу валялись пустые бутылки, какие-то грязные тряпки, окурки. Смятые упаковки из-под консервов. Кто-то даже умудрился разбить кружку, и теперь возле печки поблёскивали осколки. Я медленно обвела комнату взглядом. Как за несколько дней можно привести дом в такую помойку? Возле стены до сих пор виднелись тёмные пятна крови. И на полу лежал обрывок бинта, которым они пытались перевязать раненого.

— Свины, — тихо сказала Алина.

Миша обнял её за плечи. Она даже не заметила этого движения. Я покосилась на них и невольно улыбнулась. Хотя бы у кого-то жизнь постепенно налаживалась.

Бахо тем временем прошёл по дому, осматривая комнаты, выглянул из окна, проверил заднюю дверь.

— Ушли.

Мы ещё немного побродили по дому, заглянули в комнаты, проверили кладовку, сарай, даже чердак. Ничего полезного не нашли. Да и искать, если честно, уже было нечего. Алкаши унесли всё, что могли унести, а всё остальное представляло собой смесь мусора, пустых бутылок и грязных тряпок.

В конце концов мы вышли наружу. Солнце поднялось выше, стало немного теплее. Ветер по-прежнему тянул с Байкала прохладой, но уже не пробирал до костей. Я остановилась возле забора и посмотрела в сторону воды.

— Я к Байкалу схожу, — сказала я.

Бахо посмотрел на меня так, будто я предложила сходить на экскурсию в другой конец страны.

— Зачем?

— Просто.

— Просто?

— Да.

Он покачал головой.

— Удивительная женщина.

— Спасибо.

— Это был не комплимент.

— Всё равно спасибо.

Вадим фыркнул, Миша усмехнулся, только Алина неожиданно сказала:

— Я с тобой.

Я обернулась.

— Пошли.

Бахо тяжело вздохнул, словно окончательно убедился, что женщины — загадка природы.

— Только далеко не уходите.

— Мы буквально к воде.

— Это я и называю далеко.

Мы его уже не слушали. Спуск оказался круче, чем выглядел сверху. Под ногами осыпались мелкие камни. Кажется, сколько ни смотри на Байкал, привыкнуть невозможно. Тёмно-синяя вода уходила вдаль до самого горизонта. Небольшие волны лениво накатывали на берег, перекатывая гальку с тихим шорохом. Будто кто-то бесконечно пересыпал камни в огромной ладони. Мы спустились почти к самой воде. Я подняла один плоский камушек и швырнула его вперёд. Он пару раз подпрыгнул по поверхности и исчез.

— Выпендрёжница, — сказала Алина.

— Завидуй молча.

Она рассмеялась. Я села прямо на гальку, камни неприятно впились через штаны, но вставать не хотелось. Алина устроилась рядом. Некоторое время мы просто молчали, смотря на волны. Как они накатывают одна за другой. Каждая вроде одинаковая, но при этом немного другая. После всего, что произошло за последние дни, эта монотонность действовала почти как лекарство. Будто мир говорил: «Да успокойтесь вы уже. Я тут тысячи лет стою, ничего нового вы мне не показали». Я подобрала ещё один камушек и покрутила в пальцах.

— Страшно было? — вдруг спросила Алина.

— Да.

Она удивлённо повернулась ко мне.

— Правда?

— А ты думала, нет?

— Не знаю. Ты выглядела так, будто вообще не испугалась.

Я усмехнулась.

— Это потому, что выбора не было.

Волна подкатила почти к нашим ботинкам и откатилась назад.

— Да и стреляю я, откровенно говоря, не плохо.

Она сначала округлила глаза, а потом рассмеялась так громко, что чайки где-то наверху возмущённо закричали.

— Господи, Саша, да я вообще не об этом.

Я удивлённо посмотрела на неё.

— А о чём тогда?

— О Егоре, как ты ему ногу оперировала. Я до сих пор это вспоминаю и не понимаю, как ты вообще смогла.

Я пожала плечами.

— Оперировала, скажешь тоже. А что там было делать? Сидеть и плакать?

— Да я не про это. Там крови было столько, что меня саму чуть не вывернуло. А ты сидела с пинцетом, ковырялась в этой ноге, дробь доставала...

Я невольно поморщилась.

— Когда ты так рассказываешь, звучит отвратительно.

— Потому что это и было отвратительно.

Я подняла камешек и бросила. Он шлёпнулся сразу в воду.

— Нет у меня никакого секрета. Просто в стрессовых ситуациях я всегда умела отключать эмоции и думать головой. Наверное, это моя суперспособность.

Несколько секунд Алина смотрела на меня совершенно серьёзно, потом фыркнула. Я тоже не выдержала и через мгновение мы уже обе смеялись.

— Суперспособность, — повторила она.

— А что? У всех должны быть суперспособности.

— Да, конечно. У кого-то летать, у кого-то лазеры из глаз, а у тебя — доставать дробь из человеческой ноги.

— Очень полезный навык в условиях апокалипсиса.

— Не поспоришь.

Смех постепенно стих. Волны продолжали накатывать на берег. Я обхватила колени руками и уставилась на Байкал. Некоторое время мы сидели молча. Потом я покосилась на Алину, которая тоже смотрела на воду. Но улыбалась каким-то своим мыслям.

— Слушай...

— М-м?

— А вы с Мишей мило смотрите.

Она аж поперхнулась воздухом.

— Что?

Я уже начала улыбаться.

— Нет, серьёзно. Я давно заметила.

— Что именно ты заметила?

— Например, что он последние несколько дней крутится возле тебя чаще, чем возле остальных.

— Мы все живём в одном доме, Саша.

— Да, только почему-то чай тебе он наливает, а не Бахо.

— Потому что Бахо сам себе прекрасно нальёт.

Алина закатила глаза, но я видела, что она уже улыбается.

— Ты всё придумываешь.

— Конечно.

— Я серьёзно.

— И я серьёзно.

Она подняла камешек и бросила его в воду, тот несколько раз подпрыгнул по поверхности.

— Мы просто много разговариваем, — сказала она спустя некоторое время уже тише.

Она помолчала, потом слегка пожала плечами.

— Не знаю... Правда не знаю. Сейчас вообще сложно что-то загадывать. Сегодня сидишь на берегу Байкала, а завтра в тебя какой-нибудь пьяный идиот стреляет из ружья.

— Романтичная ты, конечно.

— Какая жизнь, такая и романтика.

Я рассмеялась. Алина тоже улыбнулась. Мы ещё какое-то время сидели молча.

Волны с тихим шорохом перекачивали гальку. Где-то дальше по берегу кричала чайка. Я подняла очередной камушек и запустила его в воду. На этот раз он даже не подпрыгнул, просто плюхнулся и исчез.

— Всё-таки мне не нравится, как выглядит Егор, — неожиданно сказала Алина.

Я покосилась на неё.

— Мне тоже.

— Температура опять поднялась.

— Знаю.

— Может, антибиотики поменять?

Я пожала плечами.

— На какие? У нас выбор богатый? Красные таблетки или белые таблетки?

— Он поправится, наверное, — сказала Алина не очень уверенно.

Я повернула к ней голову. Она продолжала смотреть на Байкал и по голосу было件нятно, что убеждает она сейчас скорее себя.

— Надеюсь. Просто...

Она замялась.

— Просто мне не нравится, что он почти всё время спит.

— Мне тоже не нравится.

— И бледный какой-то стал.

— Алина.

Она виновато посмотрела на меня.

— Что?

— Не надо.

— Что не надо?

— Говорить вслух всё то же самое, о чём я сама думаю.

Она опустила взгляд.

— Извини.

Я тяжело вздохнула.

— Да не за что извиняться.

На самом деле я была рада, что кто-то ещё это видит. Потому что последние два дня мне всё чаще казалось, что я просто накручиваю себя. Я уже успела подобрать очередной камешек, когда Алина вдруг спросила:

— Саш...

— М-м?

— А ты по Владу скучаешь?

Камешек полетел в воду, подпрыгнул два раза и сразу ушёл на дно.

— Наверное.

Алина повернулась ко мне.

— Просто вы столько времени вместе были.

Я кивнула.

— Да.

— И вообще... вы хорошо смотрелись.

Я снова кивнула.

— Угу.

Только в голове почему-то возник совсем не Влад, даже не его голос, лицо или улыбка. Перед глазами всплыло другое. Тёмные волосы, чёрные глаза, спокойный взгляд, от которого внутри до сих пор что-то болезненно сжималось. Я смотрела на Байкал и почти не слышала, что говорит Алина. Она продолжала что-то рассказывать. Я слушала и понимала, что думаю совершенно о другом.

О мужчине, которого вообще не должно было быть в моей жизни. О мужчине, которого я знала по-настоящему всего сутки.

Господи.

Всего одни сутки.

Если задуматься — смешно. Люди за сутки даже имён иногда не запоминают. А я до сих пор помнила каждое его прикосновение, взгляд, интонацию. Помнила, как спокойно становилось рядом с ним. Как исчезало это постоянное напряжение, которое уже давно жило где-то под рёбрами. И от этого воспоминания вдруг стало настолько тоскливо, что захотелось зажмуриться.

— Саш?

Я моргнула.

— А?

— Ты меня вообще слушаешь?

Я виновато усмехнулась.

— Слушаю.

— Врёшь.

— Немного.

Алина рассмеялась и толкнула меня плечом.

— Опять задумалась.

— Есть такое.

Я подтянула колени к груди и посмотрела на волны. Ветер трепал волосы. И появилась совершенно нелепая мысль. Мне так отчаянно захотелось увидеть его ещё хотя бы один раз, что на мгновение стало трудно дышать. Не поговорить, не получить ответы, а просто увидеть. Убедиться, что он настоящий. Что мне не приснились ни его руки, ни его голос, ни то чувство защищённости, которое я никогда раньше ни с кем не испытывала.

— Всё-таки скучаешь по нему, — тихо сказала Алина.

Я опустила взгляд на воду.

— Очень.

— Вон они.

Алина посмотрела в сторону. Во дворе одного из домов копошились наши. Бахо стоял по пояс в яме и с ожесточением втыкал лопату в землю. Вадим выбрасывал наверх очередную порцию камней. Миша, весь перепачканный, сидел на корточках рядом и пытался поддеть ломом какой-то особенно упрямый валун.

— Ну хоть не у себя под окнами решили хоронить, — пробормотала я.

— Благородные люди.

Алина фыркнула. Бахо поднял голову, заметил нас и махнул рукой. Я на всякий случай показала ему большой палец. Он показал лопату. Судя по выражению лица, это был не жест приветствия. Мы с Алиной одновременно рассмеялись и пошли дальше, не подходя к ним. С кладбищенскими работами мужчины прекрасно справлялись без нашего участия.

Из трубы уже поднимался тонкий дымок, значит, Света опять хозяйничала.

Когда мы вошли в дом, запах дыма и чего-то горячего сразу ударил в нос. Света как раз возилась возле печки. Я уселась на лавку у стены. После ветра с Байкала тепло дома ощущалось особенно приятно. Егор лежал на диване возле окна и услышав нас, повернул голову.

— О, туристы вернулись.

— Как пациент?

— Требую выписку.

— А врач что говорит?

— Врач говорит, что пациент всех достал.

Я улыбнулась.

— Врач говорит, что пациент сам виноват, — отозвалась Света.

— Вот именно поэтому я и требую другого врача.

— Поздно.

— Тогда хотя бы медсестру посимпатичнее.

Света, не поворачиваясь от печки, показала ему средний палец. Егор довольно заржал, но смех быстро перешёл в кашель. Он поморщился и откинулся обратно на подушку. Я невольно нахмурилась. Что-то в нём сегодня выглядело не так.

Не хуже, но и не лучше. Лицо казалось каким-то слишком бледным. Под глазами залегли тени. Даже шутил он как будто через силу.

— Температуру мерили? — спросила я.

Света наконец обернулась.

— Утром была тридцать восемь.

— Тридцать семь и девять, — тут же поправил Егор.

— Конечно.

— Между прочим, это важно.

— Безусловно.

— Почти здоровый человек.

*** **

Мы сидели в доме уже около часа, когда во дворе наконец хлопнула калитка.

Сначала в сени зашёл Вадим, потом Бахо, потом Миша. У всех троих штанины были перепачканы землёй. Алина сразу подняла голову.

— Всё?

Миша кивнул.

— Всё.

Несколько секунд в доме стояла неловкая тишина. Будто никто не понимал, что теперь положено говорить. Да и надо ли вообще что-то говорить.

— Ну и хорошо, — наконец произнесла Света и отвернулась к печке.

— Ага, — согласился Вадим.

Бахо молча стянул куртку и бросил её на стул.

— Так, — сказал Миша, оглядывая комнату. — А этот чего разлёгся?

Егор лениво повернул голову.

— Завидно?

— Очень.

— Ну так ложись рядом.

— А работать кто будет?

Вадим фыркнул.

— Смотри на него. Лежит тут, как будто его подстрелили.

— Меня подстрелили.

— Это не повод отлынивать.

Егор наиграно тяжело вздохнул.

— Ладно. Сейчас встану.

Он даже сделал вид, что собирается подняться. Поморщившись, приподнялся на локтях и снова рухнул на подушку.

— Нет.

Миша тут же ткнул в его сторону пальцем.

— Симулянт.

— Сто процентов.

— Я бы даже сказал, профессиональный.

— Завидуйте молча.

— Да кому ты нужен?

— Всем нужен. Особенно женщинам.

Егор перевёл взгляд на Свету и страдальчески вздохнул.

— Светочка, ну скажи им.

Света наконец оторвалась от кастрюли и медленно повернулась.

— Ну вообще-то, — елеинным голосом произнесла она, — несимпатичная медсестра ничего говорить не будет.

На секунду в доме повисла тишина. Потом первым согнулся пополам Вадим.

— О-о-о...

— Попал, — выдавил Миша.

Я тоже не удержалась и рассмеялась. Егор несколько секунд моргал, явно пытаясь понять, о чём речь.

— Да господи...

— Что господи? — невинно спросила Света.

— Умиравший человек имеет право на ошибку.

— Не имеет.

— Имеет.

— Не имеет.

— Имеет.

— Нет.

— Да.

Бахо закатил глаза.

— Заткните их кто-нибудь.

— Не мешай людям строить отношения, — серьёзно сказал Миша.

Алина тут же прыснула.

— Какие отношения?

— Токсичные.

— Очень токсичные, — подтвердил Вадим.

— Зато стабильные.

Дом снова взорвался смехом. Даже Егор заржал, но схватился за бок и болезненно поморщился.

— Всё, всё... хватит...

Я смеялась вместе со всеми и смотрела на него. На рыжеватую бороду и совершенно довольную физиономию. На эти дурацкие голубые глаза, которые сейчас щурились от смеха.

Глава 8

Я стояла у окна и смотрела вниз на проспект. Машины ползли по мокрому асфальту, загорались красные огни светофоров, в окнах соседнего дома горел свет. Где-то там люди жили свои обычные жизни, спешили домой, ругались, мирились, ужинали, смотрели сериалы. А мне было так хорошо, что хотелось улыбаться просто так, без причины. Хотя... Причина была. Я услышала за спиной шаги. И сердце тут же узнало их раньше, чем я успела обернуться. Улыбка сама появилась на губах.

Господи.

До сих пор.

Я повернулась и всё внутри сладко сжалось.

Вот он.

Мой.

Кажется, за всю жизнь мне никогда не надоест смотреть на него. Я даже не знала, что можно настолько любить чьё-то лицо. Смотреть и каждый раз находить в нём что-то новое. Он стоял в нескольких шагах от меня и улыбался одними уголками губ. Но от этой улыбки у меня каждый раз подкашивались ноги. Потому что её видела только я. Тёмные волосы падали ему на лоб, глаза смотрели спокойно и тепло. И каждый раз, когда он смотрел на меня вот так, мне казалось, что я падаю куда-то глубоко внутрь него. словно весь мир исчезал, оставляя только этот взгляд.

Невозможно красивый мужчина.

Несправедливо красивый.

С такими чертами лица, будто кто-то слишком долго и тщательно создавал его, исправляя каждый недостаток. Высокие скулы делали его лицо хищным. Но стоило ему улыбнуться — и вся эта опасная красота вдруг становилась почти нежной. Нос с лёгкой горбинкой только добавлял характера. А губы... Господи.

Я иногда ловила себя на том, что просто смотрю на них и думаю совершенно не о том, о чём следует думать приличной женщине. И каждый раз мысленно ругала себя за это. Безуспешно. Потому что потом он снова улыбался, а я снова пропадала.

Мне просто невероятно повезло, настолько, что иногда становилось страшно.

Будто счастья выдали слишком много. Будто однажды кто-то обязательно заметит ошибку и потребует вернуть всё обратно. Он сделал шаг ко мне. А я вдруг поймала себя на совершенно глупой мысли. Если бы мне сейчас предложили выбрать любое место на земле, я всё равно выбрала бы именно это. Эту квартиру, этот вечер, этот город за окном. Потому что здесь был он. А значит, здесь было всё, что мне нужно.

Он подошёл ко мне вплотную. Так близко, что я почувствовала его тепло ещё до того, как он коснулся меня. Большой палец медленно скользнул по щеке и меня словно ударило током. Так, будто внутри одновременно вспыхнули тысячи крошечных искр. Я даже вдохнула глубже. Глупо и смешно. Но рядом с ним я всегда становилась немного глупой. Потому что невозможно оставаться разумной, когда всё внутри танцует от счастья. Когда сердце колотится так быстро, словно пытается вырваться наружу. Когда каждая клеточка тела поёт только одну мысль.

Мой.

Господи.

Мой.

Не сон, случайность или чья-то чужая история.

Мой мужчина.

Он смотрел на меня, а я смотрела на него и понимала, что счастье на самом деле выглядит именно так. Не как что-то огромное, не как победа, не исполнение мечты, а как человек, который стоит напротив и улыбается только тебе. В следующее мгновение его руки уверенно легли мне на бёдра. Он поднял меня так просто, будто я совсем ничего не весила, и усадил на широкий подоконник. Я тихо рассмеялась и автоматически обхватила его ногами. Просто, потому

что так было правильно и потому что могла. Я смотрела на него снизу вверх всего несколько секунд, прежде чем он снова оказался слишком близко. Но мне этого хватило чтобы запомнить каждую чёрточку его лица. Чтобы снова подумать, какой же он красивый. И как мне невероятно повезло. Настолько повезло, что иногда становилось страшно. Словно счастья оказалось слишком много для одного человека. Он убрал выбившуюся прядь мне за ухо. Я почувствовала, как от этого простого движения внутри всё перевернулось.

— И что теперь? — спросила я.

Он посмотрел на меня так, будто ответ был совершенно очевиден. Наклонился и коснулся губ лёгким поцелуем. Таким коротким, что я даже не успела его удержать. Наши взгляды встретились. И его глаза улыбались раньше губ.

— Ничего, — тихо сказал он.

Уголок его рта дрогнул и через секунду он снова поцеловал меня. А я зажмурилась от счастья. От того самого огромного, невозможного счастья, которое распирало грудную клетку изнутри и не помещалось во мне целиком.

Мне казалось, ещё немного — и я просто рассмеюсь. Или расплачусь. Или сделаю и то и другое одновременно. Потому что так счастливы люди, наверное, не должны быть. Он отстранился первым, провёл взглядом по моему лицу и улыбнулся. Реард перехватил мои ладони и завёл их вверх. Одновременно он потянул край моей футболки и снял её через голову. Внутри сжался комок от предвкушения, и я уверенно потянулась к пуговице на его джинсах...

И в этот момент мир вокруг вдруг треснул. Где-то совсем рядом что-то резко грохнуло, будто кто-то швырнул на пол тяжёлую кастрюлю. Я вздрогнула. Город исчез, окно исчезло, руки исчезли, а я открыла глаза. Надо мной был деревянный потолок, старые балки, тусклый утренний свет. Несколько секунд я просто лежала, не двигаясь. Пытаясь понять и удержать ускользающее ощущение, вернуться обратно. Но сон уже рассыпался, как песок сквозь пальцы. Из соседней комнаты доносились голоса. Кто-то ходил по дому, скрипели половицы, стукнула дверца печки, кто-то ругнулся, кто-то засмеялся.

Я медленно перевернулась на спину и закрыла глаза глупо надеясь снова увидеть тот же сон. Но вместо него осталась только пустота и странная тоска, которая появляется, когда просыпаешься после чего-то очень хорошего и понимаешь, что этого никогда не было. Я уткнулась лицом в подушку.

— Блин, — тихо пробормотала я.

А потом всё-таки заставила себя подняться с кровати. Кто-то уже растопил печь, с первого этажа были слышны разговоры ребят, снаружи что-то стукнуло, потом ещё раз. На кухне Света возилась с завтраком. Алина чистила какую-то кастрюлю.

Миша что-то рассказывал настолько увлечённо, что сам же над собой смеялся. Я остановилась в дверях и несколько секунд просто смотрела на них.

— Чего застыла? — спросила Света.

— Да так.

— Если да так, то бери ведро и сходи за водой.

— Вот спасибо.

— Пожалуйста.

После завтрака я решила сходить в лес проверить силки. Ну и заодно посмотреть, появились ли новые грибы. Сентябрь уже чувствовался. Трава пожелтела, листья местами начали рыжеть, воздух стал холоднее.

К обеду чувство ото сна никуда не делось. Обычно сны рассыпались почти сразу. Стоило открыть глаза, и они таяли, как утренний туман. Оставались какие-то обрывки, лица, слова, бессмысленные картинки. Этот не исчезал и сидел внутри занозой. Я шла по лесу, наклонялась за грибами, высматривала звериные тропы, но стоило хоть на секунду отвлечься — и перед глазами снова возникало окно московской квартиры. Движение машин вниз. И его шаги за

спиной. И каждый раз внутри что-то болезненно сжималось. Потому что сон оборвался на самом интересном месте. Как будто меня выдернули оттуда за шиворот. Я в который раз прокручивала последние секунды. Ту невозможную, совершенно дурацкую радость, которая разливалась внутри меня от одного взгляда на него. Во сне я была счастлива до звона в груди, до дрожи, до желания смеяться без причины. Я остановилась посреди небольшой поляны и зло потерла лицо ладонями. Да что вообще это было? Seriously? Из всех людей на свете, из всех возможных снов, из всех вариантов, которые могло подсунуть мне собственное подсознание оно выбрало именно его. Почему?

Потому что он красивый?

Ну да.

Потому что рядом с ним спокойно?

Чушь! Рядом с ним никогда не было спокойно. Потому что он постоянно выводил меня из себя? Это вообще не аргумент. Я раздраженно выдохнула, но внутренний голос ехидно молчал. Потому что знал ответ. Я снова вспомнила его улыбку, которую он подарил мне во сне. Будто действительно рад меня видеть и я была для него чем-то важным. И от этого воспоминания стало совсем паршиво. Сон закончился, его здесь не было, там мне казалось совершенно естественным сидеть на подоконнике, обнимать его ногами и смотреть ему в глаза. А реальность показалась какой-то удивительно убогой заменой.

— Замечательно, — пробормотала я себе под нос.

Настроение окончательно испортилось. Потому что возвращаться в тот сон хотелось сильнее, чем я готова была признать даже самой себе.

Обратно я вернулась только через пару часов, но с зайцем, ведром грибов и насквозь мокрыми ботинками.

— Ого, — присвистнул Вадим. — Сашка сегодня кормилица.

— Я всегда кормилица.

— Самооценка у человека на высоте.

— Завидуй молча.

В доме кто-то засмеялся, я тоже улыбнулась и только потом заметила Егора.

Он сидел возле окна.

— Ты чего встал?

— А что мне теперь? — фыркнул он. — До пенсии лежать?

— Тебя вообще-то подстрелили.

— Немножко.

— Немножко?!

— Ну не насмерть же.

Он сказал это таким будничным тоном, что я невольно рассмеялась. Температура действительно прошла, лицо уже не было таким красным, глаза больше не блестели лихорадкой. Да и сам он выглядел заметно живее. Бледным, помятым, но живым. Бахо тоже это заметил.

— Как себя чувствуешь?

— Как новый.

— Врёшь.

— Хорошо. Как старый.

В комнате опять засмеялись. Егор довольно откинулся на спинку дивана.

— Вот видите. Говорил же. Не дождётесь.

— Мы и не надеялись, — сказала Света.

— Вот ведь бессердечная женщина.

— Это тебе за медсестру посимпатичнее.

Егор несколько секунд смотрел на неё, потом театрально схватился за сердце.

- Светочка, я был молод.
- Неделю назад?
- Молодость — состояние души.
- У тебя там вместо души опилки.
- Зато экологично.

На этот раз заржали все. Я смотрела на них и чувствовала, как внутри становится спокойно. Будто после бесконечной беготни судьба наконец дала нам передышку. За окном шумел Байкал. Трещали дрова в печке. Ребята спорили о какой-то ерунде. Егор смеялся вместе со всеми. И в тот момент мне вдруг показалось, что всё обязательно будет нормально, мы переживём осень, потом зиму, потом весну. Что когда-нибудь вся эта история закончится и мы просто будем жить дальше.

К вечеру дом снова наполнился привычными звуками. Света возилась с ужином, периодически ворча на Мишу, который крутился рядом и постоянно пытался что-нибудь стащить из кастрюли раньше времени. Алина перебирала грибы, раскладывая их на старой газете. Бахочинил какую-то железяку, найденную в сарае. Вадим строгал ножом деревянную палку, превращая её в подобие костыля.

Жизнь постепенно возвращалась в своё русло. Даже Егор выглядел лучше. Температуры не было уже почти весь день. Он даже несколько раз самостоятельно прошёлся по дому, опираясь на стену и на новый костыль.

— Ну что, пациент, — сказала я, заходя в комнату с бинтами. — Пора тебя мучить.

— Да вы меня уже замучили, — вздохнул Егор. — Скоро на слово «перевязка» начну креститься.

Он усмехнулся и осторожно вытянул ногу. Я присела рядом. Света принесла тазик с водой и опустила на корточки возле дивана.

— Давай посмотрим.

Егор послушно начал разматывать бинты. Едва заметный запах появился почти сразу. Под бинтами кожа выглядела воспалённой, красной и опухшей. Возле одного из отверстий совсем немного блестела мутноватая жидкость. Но её точно раньше не было.

— Красота какая, — пробормотала Света.

— Зато не скучно, — тут же отозвался Егор.

Я осторожно обработала рану. Он поморщился, сжал зубы, но терпел молча.

— Болит?

— Конечно болит, я же не робот.

— Сильно?

— Терпимо.

Что-то в его голосе мне не понравилось. Но я не стала ничего говорить. Тем более что сам Егор выглядел слишком довольным жизнью для человека, который собирался умирать. Когда с ногой закончили, он начал натягивать футболку и вдруг замер. Лицо на секунду совсем чуть-чуть перекосило, словно его кольнуло где-то внутри.

— Что такое? — сразу спросила я.

— Да ничего.

— Егор.

— Да бок просто потянул.

— Покажи.

— Саша...

— Покажи.

Он закатил глаза.

— Какие вы все зануды.

И всё-таки задрал футболку. Я увидела синяк и невольно присвистнула.

— Ничего себе.

— Красивый, да?

— Егор, я серьёзно.

Синяк занимал почти весь правый бок. Тёмно-фиолетовый, местами почти чёрный. По краям уже проступала жёлтая и зеленоватая желтизна старого кровоподтёка, но центр выглядел так, будто удар получил только вчера.

Кожа там была натянутой и какой-то неестественно плотной.

— По-моему, он больше стал, — сказала Света.

— Да ладно вам.

— Нет, серьёзно, — поддержала я. — Он точно был меньше.

Егор посмотрел вниз и пожал плечами.

— Может быть.

— Может быть?

— Ну, а что я должен сделать? Новый бок себе вырастить?

Из кухни донёсся смех Миши.

— Слышь, Егор!

— Чего?

— Если помрёшь, костыль верни.

— Пошёл ты.

— Вот! — радостно заявил Миша. — Раз ругается, значит жить будет.

Все засмеялись.

— Если честно, меня уже от зайцев начинает воротить, — заявил Миша, заглядывая в кастрюлю.

— Тогда можешь не есть, — тут же отозвалась Света.

— Я не настолько принципиальный.

— Оно и видно.

Все тихо засмеялись. Егор поудобнее устроился на диване.

— А я по рыбе скучаю.

— По какой ещё рыбе? — удивилась Алина.

— По шадангольской.

Я подняла голову.

— Ой, не начинай.

— А что не начинай? — возмутился Бахо. — Помните, как она её ловила? Каждый день рыба. Утром рыба. Вечером рыба. На обед рыба.

— Через месяц тебя от неё уже трясло.

— Трясло.

— Ты говорил, что если ещё раз увидишь хариуса, то утопишься.

— Говорил.

— А сейчас скучаешь?

— Сейчас бы я того хариуса расцеловал.

Комната взорвалась смехом. Миша театрально вздохнул.

— Мужики, вот она, настоящая любовь.

— Закройся уже, — бросила в него полотенцем Света.

Я улыбнулась и выглянула в окно.

— Вообще, если серьёзно, крупный зверь здесь есть.

— Откуда знаешь? — спросил Вадим.

— Большие следы видела.

Я пожала плечами.

— Там вдоль одной из троп земля была вытоптана. Не косуля точно, что-то крупнее.

— Изюбрь может быть, — задумчиво сказал Бахо.

— Или лось.

— Лось — это хорошо, — оживился Миша.

— Лось — это много мяса, — поправил Бахо.

На несколько секунд все замолчали. Если удастся добыть крупного зверя, вопрос с едой можно будет закрыть надолго. Тем более холода уже чувствовались. Ночи становились всё холоднее, по утрам на траве был иней.

— Надо будет погреб нормально разобрать, — сказал Вадим. — Посмотреть, что там вообще осталось.

— И мясо солить, — добавил Бахо.

— И коптить, — отозвался Миша.

— И сушить.

— И есть. Это самое важное, — согласился Егор.

— Слушай, а ты только про еду и думаешь.

— Я раненый человек мне положено.

Егор довольно улыбнулся и откинулся на спинку дивана.

Глава 9

Прошла ещё неделя. Если бы меня спросили, как чувствует себя Егор, я бы не смогла ответить. Потому что вроде бы лучше и одновременно хуже. Температура больше не поднималась. Он уже не лежал пластом иногда даже выходил во двор. Мог сидеть на крыльце, дойти до колодца с водой, донести кружку до стола. Но что-то изменилось. И мне это совершенно не нравилось.

Я стояла у печки и исподтишка наблюдала за ним. Егор сидел у окна, смотрел куда-то на Байкал. Вроде бы как обычно, только лицо стало другим. Осунувшимся. Серым. Под глазами залегли глубокие синяки. Даже рыжеватая щетина теперь не делала его вид живее. Наоборот. Подчёркивала, насколько плохо он выглядит. Он похудел настолько, что скулы стали заметнее. А губы почти постоянно оставались сухими. Он часто пил воду и всё чаще молчал. Хотя раньше заткнуть его было практически невозможно.

— Ты чего такой задумчивый? — спросил Миша.

— Старею.

— За неделю?

— Тяжёлые времена.

Миша хмыкнул, Егор улыбнулся, но улыбка вышла какой-то вымученной. Словно на неё ушло слишком много сил. Иногда он просто сидел и тяжело дышал после нескольких шагов, будто пробежал пару километров.

Вечером пришло время очередной перевязки. Мы со Светой усадили его на диван. Бинты в последние дни почти перестали использовать. Рана постоянно мокла. Поэтому большую часть времени нога оставалась открытой. Мы только обрабатывали её и накрывали чистой тканью на ночь. Я осторожно подняла край простыни. Нога выглядела плохо. Кожа вокруг ранения стала красно-багровой.

Опухоль никуда не делась. А возле одного из отверстий появилась желтоватая жидкость.

— Красота, — пробормотала Света.

— Чего вы все заладили? — вздохнул Егор. — Как будто я не слышал уже эту шутку.

— Да это уже не шутка.

Он ничего не ответил и отвернулся к окну. Я обработала рану и случайно коснулась его ноги. Егор резко дёрнулся.

— Больно?

— Нет.

— Врёшь.

— Немного.

Немного. Только по побелевшему лицу было понятно, что это совсем не немного.

Когда закончили с ногой, он привычным движением поднял футболку проверить бок. Мы уже несколько дней смотрели на этот синяк. И каждый раз он выглядел хуже. Тёмное пятно расплзлось почти до живота, местами стало почти чёрным.

Кожа над ним была натянутой и блестящей. Словно под ней что-то давило изнутри. Я смотрела на него несколько секунд, потом перевела взгляд на Свету.

Света посмотрела на меня, но ничего не сказала. Но по взгляду было понятно ей это тоже не нравилось. Только никто из нас пока не хотел произносить это вслух.

Я вылила грязную воду под кусты и ещё несколько секунд смотрела на таз. Тряпки пахли чем-то странным. Не кровью или гноем, запах был тяжёлый, сладковатый и какой-то неправильный. Меня передёрнуло. Подхватив таз, я пошла обратно к дому. Бахо возился возле сарая. Кажется, пытался починить дверь. Последние дни все старались чем-нибудь себя занять. Он поднял голову.

— Ну как он?

Я остановилась, посмотрела на него и поняла, что не знаю, что ответить.

— Саш?

Я поджала губы и неожиданно почувствовала, как начинают щипать глаза. Бах сразу выпрямился.

— Эй.

— Мне кажется, всё плохо.

Он нахмурился.

— Температуры же нет.

— Я знаю.

— Сегодня даже по двору ходил.

— Я знаю.

— Ну и?

Я опустила взгляд на таз.

— Вот именно что не знаю.

Бахо некоторое время молчал.

— Рана?

— Рана тоже хреновая.

Я покачала головой.

— Но дело даже не в ней.

— А в чём?

— Не знаю... Я же не медик. Я понятия не имею, как люди после огнестрелов выглядят. Может, он вообще нормально выглядит. Может, так и должно быть.

Я потёрла лоб.

— Просто...

Слова никак не находились.

— Просто каждый раз, когда я на него смотрю, мне кажется, что он стал хуже.

— Саш...

— Нет, серьёзно.

Я перебила его.

— Лицо какое-то серое стало. Глаза провалились. Он улыбается, шутит, а выглядит так, будто неделю не спал.

Бахо отвёл взгляд.

— Знаешь, что самое дурацкое?

— Что?

— Я каждый день говорю себе, что всё нормально.

Бахо молчал.

— Температура спала — всё нормально. На улицу вышел — всё нормально. Поел — всё нормально.

Я сглотнула.

— А потом захожу к нему, смотрю на него и понимаю, что сама себе вру.

Ветер качнул ветки над головой. Где-то за домом смеялись Миша и Вадим. Бахо медленно выдохнул.

— Выкарабкается.

Я подняла на него взгляд. Он сказал это так уверенно, будто убеждал не меня, а себя.

— Он крепкий мужик. Столько всего пережил и это переживёт.

Я кивнула, но почему-то легче не стало.

— Да, может быть, ты прав, — тихо сказала я.

Через два дня стало ещё хуже. Я стояла возле дивана и смотрела на спящего Егора. Лицо осунулось, щёки впали, под глазами легли тёмные круги. Рыжая борода, которая раньше делала его похожим на добродушного лесоруба, теперь выглядела какой-то неухоженной и жалкой. Грудная клетка поднималась часто и слишком резко, словно каждый вдох давался отдельно. На лбу блестела испарина. В доме было прохладно. Мы уже несколько дней топили печь через раз, но Егор всё равно постоянно потел. Я коснулась его горячего лба, температура вернулась ещё вчера вечером. И на этот раз была намного хуже. Антибиотики и обезболивающее он продолжал пить, но толку от них становилось всё меньше. Иногда он засыпал минут на двадцать, а потом снова просыпался от боли и начинал ворочаться. Или тихо стонать, будто ему самому было неловко за эти звуки. Я отвернулась. Света стояла возле стола и делала вид, что перебирает крупу. Только вот уже минут десять держала одну и ту же горсть в руках.

— Свет.

Она вздрогнула.

— Что?

— Ты чего?

— Ничего.

Голос сразу дрогнул. Она быстро отвернулась к окну. И я увидела, как она украдкой вытирает глаза рукавом. Сердце неприятно сжалось. В дом вошёл Бахо и посмотрел на диван, потом на меня, но ничего не спросил. Ему уже не нужен был ответ. В комнате повисла тяжёлая тишина. Такая тишина бывает только тогда, когда все присутствующие думают об одном и том же. Но никто не решается произнести это вслух. Потому что пока слова не сказаны, ещё можно делать вид, что надежда есть. Хотя на самом деле все уже понимают, дело дрянь.

На следующее утро лучше не стало. Ночью Егор опять метался по дивану.

Температура к вечеру поднялась ещё выше, и к полуночи он уже почти не просыпался. Только иногда что-то невнятно бормотал сквозь сон и морщился от боли. Мы скормили ему очередную порцию таблеток. Укрыли, напоили водой и всю ночь по очереди прислушивались, дышит он или нет.

Утром я проснулась разбитая. Егор лежал всё там же, только выглядел ещё хуже. Серое лицо с красноватыми ввалившимися щеками, губы пересохли и потрескались. Когда он открыл глаза и посмотрел на меня, внутри всё неприятно сжалось. Взгляд был какой-то мутный.

Словно ему приходилось прикладывать усилия, чтобы понять, кто перед ним стоит. Я присела рядом.

— Доброе утро.

Он слабо усмехнулся.

— У кого как.

Я поставила рядом кружку с бульоном.

— Давай.

— Не хочу.

— Егор.

— Саш...

— Даже не начинай.

Я сунула ему кружку в руки.

— Ты должен хоть что-то есть.

— Не хочу.

— Мне без разницы.

Он закатил глаза.

— Ты пьёшь антибиотики на пустой желудок. Ты себе всё нутро сожжёшь.

— Оно и так уже...

Он не договорил. Я поднесла кружку ближе.

— Пей.

Несколько секунд он смотрел на меня, потом всё-таки сделал пару глотков. Потом ещё и наконец выпил таблетки. Я победно кивнула.

— Молодец.

— Отстань.

— Даже не мечтай.

Он слабо фыркнул и снова закрыл глаза. Минут через десять я услышала негромкий кашель. Егор резко сел на диване с перекошенным лицом.

— Тазик!

Я подскочила, схватила стоявший возле печки таз и буквально сунула ему под руки. Его согнуло пополам. Раз. Другой. Третий. В таз полетел бульон, вода, слюна. Я поморщилась. Среди мутной жидкости плавали какие-то тёмные, почти чёрные хлопья. Егор снова закашлялся, а до меня дошёл ещё один запах. Металлический. Ржавый. Настолько сильный, что его невозможно было ни с чем перепутать. Я нахмурилась, посмотрела в таз, но так ничего и не поняла.

— Это что за дрянь?

Егор только тяжело откинулся обратно на подушки. Глаза были закрыты. Он даже отвечать не стал. Я подняла таз и вышла на улицу. Возле сарая возились Вадим и Миша. Оба подняли головы, когда увидели меня.

— Ну как он?

Я пожала плечами.

— Его вырвало. И там какая-то фигня непонятная.

Они переглянулись.

— Какая фигня?

— Да чёрная какая-то.

Я поставила таз на землю. Ребята одновременно наклонились и посмотрели внутрь. Улыбки исчезли моментально. Вадим выпрямился и тихо выругался. Миша смотрел в таз ещё несколько секунд.

— Блядь...

Я нахмурилась.

— Что?
Никто не ответил.
— Да что такое?
Вадим поднял на меня глаза, и я увидела в них настоящий страх.
— Саш.
— Что?
Он сглотнул, посмотрел на Мишу, потом снова на меня.
— Это кровь.
Я непонимающе уставилась на него.
— Какая кровь?
— Внутренняя.
В груди неприятно похолодело.
— Подожди.
Я посмотрела на таз.
— В смысле кровь?
— Если кровь чёрная, значит она уже внутри была, — тихо сказал Миша.
В голове будто что-то не складывалось.
— В смысле?
Никто не ответил.
— В смысле, Миш?
Он отвёл взгляд.
— Он что...
Голос предательски дрогнул.
— Он что, умирает?
Вадим шумно выдохнул через нос и посмотрел куда-то в сторону Байкала.
— Судя по всему... довольно скоро.
Несколько секунд я просто смотрела на них и ждала, что сейчас кто-нибудь засмеётся и скажет, что это шутка.
— Да вы гоните.
Никто не ответил.
— Мы же ему таблетки даём.
Тишина.
— Антибиотики. Обезболивающее.
Я почувствовала, как начинает подниматься раздражение.
— Мы ему всё даём!
Вадим резко повернулся ко мне.
— И что?!
Я вздрогнула.
— Что?
— И что, Саш?!
Он ткнул рукой в сторону дома.
— Ты не видишь, что ли?!
— Не ори на меня!
— А на кого мне орать?!
Его голос сорвался.
— Он неделю погибает у нас на глазах!
— Я это вижу!
— Тогда что за вопросы про таблетки?!
Я почувствовала, как внутри всё закипает.

— Потому что я не врач!
— Да никто здесь не врач!
— Тогда какого хрена ты на меня орёшь?!
— Потому что бесит уже!

Он провёл ладонью по лицу и сжал зубы.

— Бесит смотреть и понимать, что мы ничего сделать не можем!

Повисла неловкая тишина. Я стояла, сжимая ручки таза так сильно, что побелели пальцы. Вадим смотрел куда-то мимо меня, Миша молчал. Только ветер шуршал в сухой траве возле забора. Через несколько секунд Вадим медленно выдохнул.

— Извини.

Я ничего не ответила.

— Извини, Саш.

Он потёр глаза.

— Я не на тебя.

— А на кого тогда?

— Да на всё это.

Я посмотрела на дом. Вадим прав, что бы мы ни делали, какие бы таблетки ни давали, как бы ни убеждали друг друга. Это уже не было похоже на болезнь, после которой выздоравливают. Это было похоже на ожидание.

Я поставила вымытый тазик на табурет рядом с диваном и машинально вытерла руки о штаны. В доме было тихо. Егор лежал на спине, поверх одеяла. Глаза были закрыты. Дышал он часто, будто только что долго шёл в гору. Каждый вдох давался ему тяжело. Я присела рядом.

— Ну что, герой, — тихо сказала я. — Напугал нас?

Ответа не было, только веки едва заметно дрогнули. Я посмотрела на его лицо и неожиданно поймала себя на мысли, что не могу представить его молчащим. Егор всегда что-то говорил, шутил, подкалывал, спорил с Бахо, ржал над Вадимом. Лез со своими дурацкими комментариями вообще куда угодно. Иногда казалось, что он разговаривает даже во сне. А сейчас лежал тихо.

Нет. Не может же человек вот так взять и умереть.

Не Егор. Да кто угодно, только не он. Мы же вытащили дробь, поили его антибиотиками, меняли бинты. Следили за ним.

Что ещё нужно было сделать?

Я снова посмотрела на него. Тот самый рыжеватый клочок бороды на подбородке.

Те же самые ресницы. Тот же самый человек. Просто сейчас слишком уставший и больной. Но живой же. Живой.

Я крепче сжала губы. Почему-то захотелось разозлиться на всех сразу. На Мишу, Вадима, на их разговоры на крыльце. На этот дурацкий тазик, на чёрную жижу внутри него. На собственный страх. Потому что если начать думать о том, что они могут оказаться правы... Я не хотела об этом думать. Поэтому просто сидела рядом и смотрела, как он дышит.

Вдох. Выдох.

Вдох. Выдох.

К вечеру в доме будто стало немного легче дышать. Мы настолько привыкли ждать худшего, что любое улучшение казалось чудом. Егор проснулся ближе к закату и неожиданно заявил, что хочет встать.

— Куда собрался? — тут же нахмурилась Света.

— На Эверест.

— Ложись обратно.

— Не хочу.

— Егор.

— Светочка, если я сейчас ещё сутки пролежу, то у меня задница к дивану прирастёт.

Я усмехнулась. Даже голос у него звучал чуть живее. В итоге подняли его вдвоём с Бахо. Егор постоял, тяжело опираясь на самодельный костыль. Поморщился выругался, потом сделал шаг. Медленно, осторожно, будто заново учился ходить.

— Движение — жизнь, — заявил Вадим.

— Это ты сейчас кого мотивируешь? Меня или себя?

— Тебя.

После короткой прогулки Егор выдохся так, словно пробежал марафон, но настроение у всех стало лучше. Потом Света принесла хлеб. Всё утро она возилась с тестом и теперь по дому тянулся тёплый запах печки и свежей корочки.

Егор долго смотрел на кусок в руках. Потом осторожно отщипнул маленький кусочек, пожевал и проглотил.

— Ну? — спросил Миша.

— Что ну?

— Не тошнит?

— Пока нет.

— Пока — это обнадеживает.

— Самое оптимистичное слово последних дней.

Он съел ещё немного, запил водой и его не вырвало. Я сидела напротив, и сама не замечала, как наблюдаю за каждым его движением. Словно ждала подвоха.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.